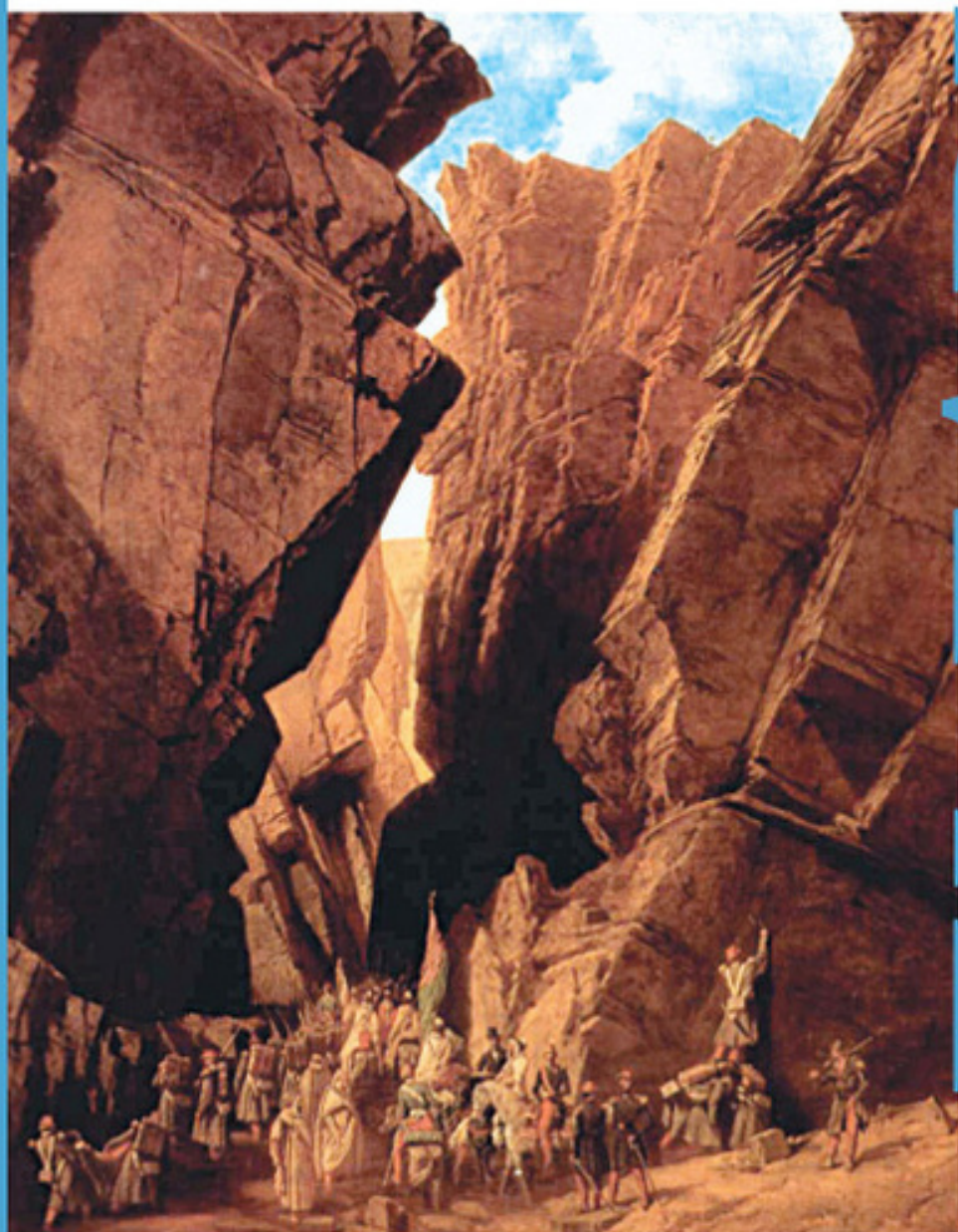

В ДЕБРЯХ
АТЛАСА

ЭМИЛИО
САЛЬГАРИ

АСТ
АСТРЕЛЬ

САЛЬГАРИ

Эмилио Сальгари
В дебрях Атласа

«АСТ»

1907

Сальгари Э.

В дебрях Атласа / Э. Сальгари — «АСТ», 1907

Иностранный легион. Здесь рискуют жизнью в колониальном аду лихие парни, которым в сущности, нечего терять. Африка, Азия, джунгли, пустыни – куда только не забрасывает судьба этих блудных сыновей Франции... Кто-то погнался за большими деньгами. Кто-то мечтал о дальних странах и увлекательных приключениях. Кто-то просто скрылся под белой военной формой от закона. Но под палящим солнцем Алжира нет ни правых, ни виноватых, ни людей чести, ни подлецов. И еще там нет трусов – потому что трусы просто не выживают среди бесчисленных опасностей, из которых состоит обычная жизнь легионеров...

© Сальгари Э., 1907

© АСТ, 1907

Содержание

I. Ад бледа	5
II. Иностранный легион	10
III. Палач бледа	15
IV. Звезда Атласа	21
V. Арабская кровь	28
VI. Охота на льва	33
VII. Месть Афзы	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Эмилио Сальгари

В дебрях Атласа

І. Ад бледа

– Вперед, клянусь смертью Магомета и всех его гурий!

– Нет больше сил, сержант!

– Что, негодяи? Еще отвечать осмеливаетесь!

– Вы хотите всех нас уложить на месте...

– И сдохнете, каналы! Вы что же, думали, что вас в Алжире ждут веера, мороженое, сигары да пальмы, чтоб валяться в их тени! Вперед! А не то, клянусь смертью Магомета, всех вас под военный трибунал в Алжире!

– Мы выбились из сил, сержант, – ответило несколько хриплых голосов, в которых, казалось, не оставалось ничего человеческого.

– Вахмистр смотрит, и я вовсе не желаю из-за вас сидеть в тюрьме. Марш! Еще слово, и прикажу Штейнеру намять вам кости. Небось, знакомы с кулаками мадьяра! Ну, вперед. Бегом!

Возвысился один голос, сухой, как выстрел из карабина:

– Я его прикончу, этого негодяя! Я клятву дал, сержант.

– Кто это сказал?

Никто не отвечал.

– Вперед! Говорю, бегом. Вахмистр смотрит. Вперед!

Двадцать человек, одетых в белое парусиновое платье, без башмаков и оружия, но нагруженные огромными ранцами, какие обыкновенно носят солдаты Иностранного легиона, отправляемого Францией в ее африканские и азиатские колонии, отчаянно бросились вперед, пытая, все покрытые пылью, в то время как сержант-инструктор продолжал отчаянно ругаться. Сержант-инструктор! Какая насмешка! Мучители, палачи – все что угодно, только не инструкторы. Многие из них знают только одно – мучить, насколько возможно, тех несчастных, которых военный трибунал Алжира или Константины отправил в дисциплинарные роты в жгучем Алжире, в так называемом *аду бледа*.

Блед — это лагерь, предназначенный для поселения несчастных, которые завербовались в Иностранный легион и в минуту возмущения, вызванного палочной дисциплиной, дурным обращением или губительным климатом, проявили непослушание начальству.

Блед всегда помещается вдали от Средиземного моря и даже от города, можно сказать – среди пустыни.

Это огромный плац, окруженный бараками и палатками с одним зданием, совершенно белым, для капитана – начальника роты, его офицеров и субалтерн-офицеров¹. Есть также маленький лазарет.

На этом плацу, пыльном, залитом жгучим солнцем, без капли тени, дисциплинарными ротами проводится учение, состоящее только в быстром беге с ранцами за спиной и быстро сводящее в могилу несчастных осужденных.

Однако бывают некоторые отступления: иногда заставляют возить тачки. Тогда солдат бежит, толкая перед собой тачку, наполненную песком. Он должен нагружать и разгружать ее по команде; и это продолжается до тех пор, пока он не упадет в полном изнеможении или пораженный солнечным ударом!

---

¹ *Субалтерн-офицер* – офицер младшего офицерского состава.

Двадцать человек, погоняемые ругательствами сержанта и охраняемые сильным конвоем конных спаги², державшихся, однако, в тени белой казармы, продолжали свой бег. Глаза у них выкатывались на лоб, лица побагровели, грудь прерывисто вздымалась, рубашки взмокли от пота.

Впереди бежал легионер-красавец лет тридцати, смуглый, с черными глазами, сверкавшими как угли, с большим лбом, изборожденным преждевременными морщинами. В его могучих мускулах должна была скрываться более чем необыкновенная сила.

Несчастные три или четыре раза обежали плац под неумолимым потоком солнечных лучей, поднимая удушливую пыль, когда сержант, смотревший насмешливым взглядом на передового легионера, закричал:

– Номер первый, в галоп!

По этому приказу передовой должен был ринуться во всю мочь, как лошадь, пущенная в карьер, и бежать в хвост колонны.

Но вместо того чтобы повиноваться, он вдруг остановился, отступая немного в сторону, чтоб его не толкнули товарищи, двигавшиеся, опустив головы и качаясь под огненным потоком лучей, лившихся с неба.

– Ты что это делаешь, венгерская собака? – закричал сержант, наступая на него со сжатыми кулаками.

Легионер взглянул на него холодно и ответил хриплым голосом, выдававшим ярость, сдерживаемую невероятным усилием:

– Из сил выбился. И не будь вы Рибо, кто знает, что бы случилось сейчас.

– Как, ты выбился из сил? Ты, силач, которого боится сам Штейнер, твой соотечественник?

– Сил больше нет, – повторил венгр.

– И ты полагаешь, этого достаточно, чтобы перестать плясать? Нет, любезнейший, побегай-ка еще...

Легионер сделал энергичный жест протеста.

– Довольно, – произнес он. – Это жестоко с вашей стороны.

– Я повинуюсь регламенту, мой милый.

– Надрывая у людей грудь и ломая ноги?

– Попробуй поговорить с начальством, – ответил сержант несколько смягченным голосом, пожимая плечами. – Ну, ступай на свое место, Михай Чернаце, и старайся повиноваться. Я на тебя не сержусь, потому что слышал от Штейнера, что еще до поступления в легион ты был знатным господином и дрался в Мексике как лев. Ты один из четырех, пробившихся через целую армию.

– Тем больше причин не убивать меня так, без толку, – ответил венгр, и его черные глаза будто подернулись влагой.

– Того требует регламент. Ну, ступай назад. Твое место займет другой.

– Нет, не дам товарищу мучиться за себя; как-нибудь сам. А все же лучше бы, сержант, если бы нас посылали умирать от пуль кабил³ов или туарегов³ в пустыне, чем так варварски мучить. Ведь все же, в конце концов, мы проливали свою кровь за Францию, а она не наша родина!

Сказав это, он пригнул голову к шее, как бык, прижал руки к груди и пустился отчаянно вперед, вокруг большой площади bleда.

– Бедный граф, – проговорил сержант участливо, следя за легионером, бежавшим, как преследуемая газель. – Выносливы эти мадьяры.

---

² *Спаги* – название французских кавалерийских частей в Алжире.

³ *Кабилы, туареги* – берберские народы, обитающие в Северной Африке.

Венгр окончил круг и остановился в хвосте взвода. Сержант приказал бежать номеру второму, бледному молодому человеку, худому, как индийский факир, по-видимому, горевшему в лихорадке – болезни, частой в этой местности.

Мучительный бег продолжался, между тем как жар усиливался, а сержант время от времени, внося разнообразие в это дисциплинарное учение, приказывал преклонить колено и целиться, хотя оружия не было ни у одного. Наконец он скомандовал: «Смирно»!

Все двадцать человек замерли на месте, в то время как сержант окидывал глазами и поправлял каждого. Учение еще не кончилось: оно должно было продолжаться, пока несчастные уже окончательно будут не в состоянии держаться на дрожащих ногах.

Сержант едва окончил осмотр, как от белой казармы послышался повелительный голос: – Что вы делаете, негодяи?!

И в следующую минуту из главного входа вышел, направляясь к взводу, маленький коренастый человек весь в белом, с соломенным шлемом на голове, с огромными усами и длинной эспаньолкой.

– Вахмистр! – проговорил сержант. – Какой дьявол принес его сюда. И злощип он сегодня! Все из-за этой Афзы...

Вахмистр, временно замещавший начальника бледа, остановился в пяти шагах от сержанта и, окинув взглядом дисциплинарных, а внимательнее всего – венгра, сказал:

– Разве так заставляют бегать, Рибо?

– Я только сию минуту приказал остановиться, вахмистр, – ответил сержант, отдавая честь.

– Зачем? Нет никакой необходимости! – кричал вахмистр, помахивая тростью. – Видно, придется мне показать вам, как надо учить этот сброд со всех концов Европы! Они думали, что станут есть французский хлеб даром, да еще командовать! Как же!

– Это оскорбление! – послышался голос.

Начальник поднял усы рукой и, смотря на взвод, стоявший неподвижно, хотя каждый человек в нем дрожал от бессильной злобы, крикнул:

– Кто смел заговорить без приказа?

Венгр вышел из ряда.

– Я, господин вахмистр.

– А! Михай Чернаце из рода графов Савских? – сказал начальник насмешливо. – Твое дворянство осталось на дне Дуная.

– В легионе, куда я завербовался, я только Михай Чернаце. Мое дворянство осталось в Венгрии, и нечего его поминать здесь, в песках проклятой Африки.

– Ну, пусть его покоится себе в дебрях Карпат или дунайской тине, – продолжал, сохраняя иронию, вахмистр. – Что же ты имел желание сказать мне, когда я хотел заставить вас бегать по-настоящему?

– Что мы не сброд, как вы выражаетесь Мы всегда готовы сражаться и умереть за Францию, под чьим знаменем стоим.

– Что же ты сделал особенного для той Франции, которая лишила тебя чести?

– Что сделал? – в ярости заревел венгр, сжимая кулаки. – Я один из тех шестидесяти двух легионеров, которые в июле 1862 года, три года тому назад, бились десять часов с двумя тысячами мексиканцев, несмотря на голод и жажду, доходившие до того, что мы пили кровь раненых. Я из тех четверых, которые пробились через ряды двухтысячного неприятеля.⁴

– И они не убили тебя! Чтоб черт побрал этих мексиканцев!

– Не убили, потому что командир их, удивленный нашей смелостью, приказал своим солдатам: «Не трогайте этих храбрецов; это не люди, а демоны!», и мы прошли через ряды непри-

---

⁴ Исторический факт. – Примеч. авт.

ятеля. Вы знаете, что в вашей стране говорят: «Когда солдат-француз идет в госпиталь, значит, хочет вернуться домой; когда идет стрелок – отправляется, чтобы вылечиться, а легионер – чтоб умереть». Вы это знаете, – дрожащим голосом закончил мадьяр, между тем как другие одобрительно качали головой.

– Ну, разболтался, как американский попугай, а другие отдыхают... Молчи! Или хочешь, чтобы я отправил тебя в Алжир? Там трибунал не шутит с дисциплинарными, особенно с легионерами, Будда тебя поberi!

Мадьяр сдержался с невероятным усилием, так что все его тело вздрогнуло, как будто потрясенное электрическим током.

– Ради Афзы! – проговорил он, подавив рыдание.

Команда вахмистра резала воздух, как хлыстом:

– Смирно! Шагом! Грудь вперед! Живо, кит вас подери! – Дисциплинарные снова пустились бежать вокруг бледа, по жару, как в раскаленной печи.

Был почти полдень, и солнце посылало огненный луч за лучом. Над лагерем стояла полная тишина. Несколько финиковых пальм, прозябавших в песках, вытягивали свои совершенно неподвижные перистые листья, не давая нисколько тени.

С отдаленных Атласских гор, обрисовавшихся на далеком раскаленном горизонте, не доносилось ни одного дуновения ветерка.

Это было раскаленное затишье пустыни, вечно царившее в бледе. Это был ад, как справедливо говорили несчастные, осужденные искупать свою вину в глубине Нижнего Алжира.

Двадцать легионеров снова начали свой отчаянный бег, не осмеливаясь протестовать. Все слишком боялись военного трибунала и ужасных наказаний адского бледа...

А вахмистр, под защитой своего большого шлема, все продолжал кричать: «Прибавляй шаг!.. Нагнись!.. Встань!.. Стой!.. Вперед, номер первый!.. Вперед, номер второй!.. Я вас научу слушаться, клянусь брюхом тухлого кита!»

Несчастные легионеры, бледные как мертвецы, с пеной у рта, с блуждающими глазами, дышали с хриплым свистом.

– Видите, мосье Рибо, как эти каналы работают при мне? Вот как надо командовать, – говорил вахмистр, торжествуя. – Ну, вперед, чертовы дети! Скорей! Что, граф Сава, трудненько представить себя теперь в каком-нибудь будапештском кафе, с сигарой во рту? Мы в Африке, мой милый, и с каторжниками! Вытяни ногу!

– Вахмистр, вы хотите убить его? – робко заметил сержант.

– Дурак! С удовольствием отделался бы от семерых или восьмерых из этого взвода, – ответил вахмистр и прибавил, понизив голос: – А от этого мадьяра в особенности!.. О! Учение еще не кончено. Сержант Рибо, прикажите привезти тачку. Хочу посмотреть, как эти легионеры строили в Мексике траншеи...

Услыхав это приказание, мадьяр вздрогнул. Он понял, что начальник имел в виду именно его и хотел довести его до какого-нибудь нарушения дисциплины, которое подвело бы его прямо под военный трибунал и расстрел.

– Ради Афзы, – проговорил он вторично с новым усилием воли. Бледный легионер смотрел на мадьяра со страданием и незаметно за спинами товарищей пробрался к нему.

– Михай, – шепнул он ему, – не попадись в сети, которые ставят тебе. – Вспомни об арабской девушке и обещании ее отца... А в случае нужды рассчитывай на меня... Тосканцы ничего не боятся.

– Спасибо, Энрике. Но что бы ни случилось, не вмешивайся: довольно и одной жертвы...

Вахмистр был в это время занят скручиванием сигаретки. Затянувшись раза два, он спросил:

– Кто номер первый?

– Михай Чернаце.

– Ну-ка посмотрим, как венгерские магнаты⁵ умеют обрабатывать свою землю и строить траншеи. Они, говорят, молодцы...

По взводу пронесся ропот. Услыхав его, свирепый вахмистр разразился грубой бранью и приказал номеру первому выйти вперед. Мадьяр вышел спокойным, ровным шагом. Все глаза с тревогой устремились на него.

– Что прикажете? – спросил он с новым усилием, подавив страшную ярость, бушевавшую у него в груди.

– Возьми тачку и бегом вокруг бледа! Довольно отдохнул, – приказал вахмистр.

Мадьяр схватил тачку и побежал кругом плаца.

Тут на него посыпался град противоречивых приказаний:

– Бери заступ!.. Стой!.. Вези тачку! Копай землю! Стой!.. На колени!.. Ну, беги, как бежал мимо двух тысяч мексиканцев. Бери опять тачку...

Мадьяр крепился. Казалось, он дал себе слово не попасть в сети, расставленные ему неслыханной грубостью. С сердцем, разрывавшимся от ярости, он выказывал сосредоточенное повиновение, и каждый раз, как вахмистр бросал ему новое приказание, отвечал с натянутой улыбкой:

– Готово!.. Если желаете, покажу, как строить траншеи и в Венгрии и в Мексике...

Но бывали мгновения, когда в этом голосе как бы слышался далекий рык льва.

Наконец вахмистр объявил:

– Стой!.. Пока отдыхаешь, можешь мне скрутить папиросу.

– А! Так еще не кончено? – спросил магнат, и лицо его исказилось страшным гневом.

– Нет, любезнейший граф, сегодня день рабочий. Капитан, уезжая, приказал не давать лентяйничать, а я не такой человек, чтоб ослушаться приказа начальника.

– Он тебе приказал уморить нас? – грозно спросил мадьяр.

– Молчи! Хотя ты и венгерский магнат, но не имеешь права повышать голос на меня. Мы здесь не в Карпатах, не в Будапеште...

Из груди мадьяра вырвалось рычание загнанного зверя.

– Это слишком! Как ты смеешь оскорблять магната! Вот тебе... Он схватил тяжелый ранец и изо всей силы швырнул его в вахмистра.

Удар пришелся в грудь. Вахмистр зашатался, но не успел еще упасть, как второй ранец полетел ему в лицо и буквально разможил нос. Ранец бросил Энрике, тосканец.

В то время как вахмистр упал, обливаясь кровью, спаги, стоявшие в тени, бросились с заряженными пистолетами и обнаженными саблями к легионерам.

Граф Сава стоял, скрестив руки, и смотрел на них презрительным, гордым взглядом, будто говоря: «Я виновен, арестуйте меня, я не стану сопротивляться».

Несколько оправившийся вахмистр яростно кричал сквозь окровавленный платок:

– Арестовать обоих негодяев! В кандалы! В карцер до возвращения капитана!

Спаги бросились на мадьяра и тосканца и надели на них ручные и ножные кандалы. Вахмистр продолжал кричать как бешеный:

– Заковать по рукам и ногам! В карцер на хлеб и воду! Разбойники! Негодяи! Расстрелять всех!

– А ты все-таки навсегда останешься без носа! – крикнул ему тосканец.

Спаги окружили двух арестованных и повели к белой казарме, между тем как остальные дисциплинарные должны были продолжать учение.

---

⁵ *Магнаты* – верхушка феодального класса в ряде европейских стран, особенно в Польше и Венгрии.

II. Иностранный легион

Со времен Карла VII до Наполеона I у Франции всегда были на службе иностранные войска, но Иностранный легион, вполне обоснованно прозванный «милицией отчаянных», получил свое начало только в 1831 году, при Луи Филиппе, направившем его для окончательного покорения Алжира. В то время существовали только батальоны, состоявшие главным образом из испанцев, поляков, немцев, итальянцев и бельгийцев, большая часть которых была дезертирами.

Этот «Легион отчаянных» насчитывает в своей истории много славных страниц и до сих пор приводится как пример дисциплины и храбрости.

Получив военное крещение под Сарагосой и Барбастро⁶, он вскоре после того был отправлен в Алжир, где шаг за шагом, преодолев невероятные трудности и после продолжительных стычек, победил неутомимого и стойкого Абд аль-Кадира⁷; затем, отправленный на Восток, он принимал участие в многочисленных сражениях, возбуждающих в душе каждого солдата живейшее восхищение.

В Иностранном легионе искали убежища люди различных классов и профессий, и все они, образованные и неученые, бедняки и бывшие богачи, некогда блиставшие в европейских столицах, — все попадали в одинаковые условия.

Многие поступали в легион, ища забвения или смерти в песках Сахары или болотах Тонкина⁸; многие — чтобы скрыться и порвать со всем, потому что, завербовавшись, человек обрывал последнюю связь с жизнью и писал «конец» всякому горю или ужасной драме.

В 1885 году Иностранный легион, состоявший из пятнадцати тысяч человек, почти постоянно находился в Алжире; он разделялся на два полка: первый стоял в Сиди-Бель-Аббесе, а второй — в Сайде.

Вербовались в легионеры обычно от восемнадцати до сорока лет, но попадались и шестнадцатилетние... и шестидесятилетние.

Франция не отказывалась от помощи иностранца, кто бы он ни был, лишь бы служил ей против туарегов великой пустыни и беспокойных негров Сенегала и Нигера или «Черных знамен» Аннама и пиратов Красной реки.

Многие немецкие юноши, еще не знающие жизни, гонимые нищетой, шли во Францию только потому, что слышали о ее богатстве и что там хлеба и работы найдется на всех.

И вот, едва переступив границу, эти несчастные встречались лицом к лицу с ужасной задачей: или возвращаться домой, или становиться бродягами. И у всех у них оставалась одна надежда — Иностранный легион. Как утопающий хватается за соломинку, так и они искали в нем спасения и поступали в легионеры. И в один прекрасный день все эти несчастные, потерпевшие крушение в жизни, оказывались в Марселе и отправлялись в Алжир, а оттуда в Сиди-Бель-Аббес.

Тут были люди веселые и печальные, были франты, еще носившие свои цилиндры и перчатки, и были оборванцы, все достояние которых состояло из рваной рубашки и измятой шляпы.

Конечно, не все легионеры были образцовыми людьми. Это могут засвидетельствовать арабы Сиди-Бель-Аббеса, боявшиеся их как чумы.

---

⁶ Речь идет о вооруженной интервенции и подавлении французскими войсками революции в Испании в 1823 г.

⁷ *Абд аль-Кафир* — алжирский национальный герой, руководитель восстания алжирского народа против французских колонизаторов в 1832—1847 гг.

⁸ В 1858—1885 гг. Вьетнам был захвачен Францией, разделившей его на три части: колонию Кокхинхину (Южный Вьетнам) и протектораты Аннам (Центральный Вьетнам) и Тонкин (Северный Вьетнам).

Железная дисциплина не всегда могла обуздать эти разнородные элементы, в груди которых рядом с добрыми зачатками находились и дурные.

Часто на тесных улицах арабских городов встречались десятки легионеров, бродивших среди белого дня, покачиваясь, или стоявших, прислонясь к стене, а не то просто спавших в канаве после неумеренного потребления вина. А чтобы напиться, не останавливались ни перед чем, даже перед кражей, обкрадывая друг друга, если не могли обкрадывать начальство.

Но между этими несчастными, искавшими смерти, были и хорошие люди.

Как-то во время смотра молодых солдат полковник, пораженный интеллигентным лицом одного из них, спросил у него:

– Какой вы профессии?

– Я был учителем французского и немецкого в Праге.

– Как вы попали сюда?

– Я люблю войну и предпочел ружье ученикам.

В этом «Легионе отчаянных» попадались даже князья. Один итальянец, князь Русколи, поступил в легионеры и затем исчез неизвестно где и как.

И сколько геройских поступков совершили эти отчаянные! Мы уже видели образец этого в мексиканском эпизоде.

Или вот еще пример.

Однажды два батальона Иностранного легиона, посланные в Тонкин, заняли позицию, называемую «семь пагод», считавшуюся очень трудной для защиты. Губернатор Хаи-Джунга, озабоченный опасным положением солдат, предложил послать за подкреплением, но генерал Негрие сказал, улыбаясь:

– Предоставьте это дело легиону... Вы его не знаете...

И ни один отряд «Черных знамен» не прорвался через линию легионеров...

В Дагомее⁹ легион совершил настоящие чудеса, и во Франции еще помнят телеграмму, отправленную генералом Додсом после осады Абомей, священного города: «Никогда я не имел чести командовать такими великолепными солдатами».

Но с некоторого времени и легионеры изменились, как будто выродились. Хотя надо сказать в их защиту, что они поступали в легион, чтобы идти на войну; гарнизонная же жизнь делала их нервными, больными, раздражительными, а казарменная дисциплина была для них убийственна.

Для легионера не существует страха ни перед жестокостью, с которой иногда к нему относятся офицеры, ни перед военным трибуналом. Бунты – явление не редкое. Точно так же, как дезертирство. Когда легионеры не в состоянии больше переносить жестокости и унижения, они бегут за марокканскую границу, где падают под выстрелами длинных ружей ужасных горцев-рифов.¹⁰

Михаю Чернаце, графу Сава, пришлось испытать много превратностей в жизни.

Оставшись двадцати лет сиротой, обладателем роскошного замка в Карпатских горах и несметных табунов лошадей, пасшихся в *пуште*, он бросился в свет, исполненный жажды удовольствий и впечатлений. В Монако его постигла судьба сотен тысяч людей, оставляющих на зеленом сукне все свое состояние.

Туда пошли великолепные табуны; за ними замок и леса – главное богатство графов Сава – и в один прекрасный день молодой магнат оказался без гроша в кармане.

---

⁹ Дагомея – государственное образование в Западной Африке, на территории современного Бенина, в нач. XVII – конце XIX вв. Столицей Дагомеи был город Абомей. Франция вела с Дагомеей в 1890—1894 гг. войну, окончившуюся превращением последней в «Колонию Дагомея и зависимые территории».

¹⁰ Рифы – горский народ, принадлежащий к семье берберо-ливийских народов.

Что было делать? Михай слышал об Иностранном легионе, где столько несчастных искали прибежища в надежде найти геройскую смерть на поле чести, а не в кустах Ментоны или Бордигеры.

Он слышал, что люди, некогда блиставшие в европейских столицах, искали забвения среди этих солдат, составлявших гордость Франции и, не будучи французами, героически умиравших за Францию... И он завербовался, надеясь найти смерть в Мексике или в Алжире, где в то время разгоралась война.

Но смерть, которой он так жаждал, не хотела брать его, и он вернулся из Мексики украшенным медалью «За храбрость».

По окончании кампании мадьяра отправили обратно в Алжир, в Бель-Аббес, но его горячий темперамент не вынес гарнизонной жизни и железной дисциплины: подобно многим легионерам он стал непокорным и раздражительным...

Однообразная, монотонная гарнизонная жизнь изо дня в день подорвала его здоровье.

Его преследовала тоска по родине. Посетить зеленеющую пушту, родной Дунай, Будапешт, цепь Карпат, Париж, Монако – одним словом, еще раз увидеть весь свет стало мечтой, смущавшей его даже во сне.

У него остались богатые родные в Венгрии, он мог рассчитывать на кое-какое наследство. И в один прекрасный день граф дезертировал с твердым намерением пробраться в Тунис, а оттуда... в Фиуме.¹¹

Но на этот раз удача изменила ему: через три дня его поймали спаги и вернули в полк.

Командир Иностранного легиона не шутил с дезертирами, и несчастный магнат, несмотря на свою медаль, был приговорен к трем годам дисциплинарных рот в бледе Айн-Таиба, где жизнь хуже ада. Как мы сказали, алжирские дисциплинарные роты – это ад, вселяющий ужас во всех, приговоренных к ним. Царящая там утонченная жестокость оставляет позади себя измышления любого инквизитора, хотя бы самого Торквемады.¹²

Тут пускаются в ход все пытки, как физические, так и нравственные; все подстраивается с самым утонченным коварством, чтобы погубить несчастных; применяется все, что могут придумать в своей праздности и скуке люди, для которых мучение других – наслаждение.

Выдержать жизнь в уединенном лагере, затеряншемся почти у подножия Атласа, засыпанном песками Сахары, имея перед глазами пустынный пейзаж, с однообразием, лишь изредка нарушаемым несколькими чахлыми пальмами, жизнь без всякого другого общества, кроме таких же несчастных, осужденных на ежедневную пытку, – такую жизнь могут выдержать только истинно железные характеры. При всем сознании невозможности бежать – бегство может осуществиться только при помощи какого-нибудь араба, и дело это очень трудное – в дисциплинарных скоро зарождается потребность перемены места во что бы то ни стало и под каким бы то ни было предлогом, доходящая буквально до мании.

И настает такой момент, когда наиболее мужественные и выносливые пытаются каким-нибудь отчаянным поступком положить конец этой жизни, хотя бы под расстрелом...

Нередки случаи, что дисциплинарные калечат себя, чтобы только немного отдохнуть в госпитале бледа.

Жажда подышать иной атмосферой хоть несколько дней, пусть бы за это пришлось заплатить жизнью, побуждает к возмущению, следствием чего бывает отправка под военный трибунал.

В этом случае дисциплинарным помогают их надзиратели и в то же время мучители, которые тоже не прочь совершить путешествие на берега Средиземного моря и вырваться из

---

¹¹ *Фиуме* – латинское название хорватского города Риеки, крупнейшего порта на Балканском побережье Адриатического моря.

¹² Французский журналист Жак Дюр, первым поднявший завесу над всеми ужасами каторги в Новой Каледонии, бросил также мрачный свет на все творящееся в бледах. – *Примеч. авт.*

ада, называемого бледом. И вот между обеими сторонами как бы заключается род молчаливого соглашения. Являются на сцену не слишком важные преступления, не влекущие за собой смертную казнь, мелкие проступки вроде порчи казенных вещей, ухода с караула, оскорбления сержанта в минуту возбуждения и тому подобное.

Во время путешествия в Алжир, где заседает военный трибунал, дисциплинарный, предоставивший надзирателю возможность совершить такую увеселительную поездку, пользуется многими удобствами – он может курить, может есть досыта за счет своего стража, не жалеющего денег, которые он скопил в бледе, где их не на что тратить.

Но при всем своем безвыходном положении и деморализации не все дисциплинарные идут на подобные уступки своим начальникам, платя за нежелание совершить в их обществе путешествие в Алжир несколькими годами одиночного заключения.

Горе же тем, кто отказывается! Надзиратели без всякого зазрения совести раздражают их и самым коварным, жестоким образом доводят до возмущения. Средств для этого всегда находится достаточно.

Например, при раздаче одеял и коек на ночь надзиратель, точащий зуб на какого-нибудь беднягу, с изумительной стойкостью выдерживающего все придирки, бросает ему рваное, изодранное, совершенно негодное к употреблению одеяло.

Дисциплинарный, естественно, протестует, чтобы не быть обвиненным на другой день в порче казенной вещи, что подвело бы его под военный трибунал. Надзиратель отвечает ему насмешками. Дисциплинарный выходит из себя и возражает в том же тоне.

Вот и оскорбление налицо! Обвиненный в оскорблении начальника отправляется в карцер, пока его не перешлют в Алжир. И надзиратель достиг своей цели, не скомпрометировав себя.

Другой способ вывести из себя дисциплинарного и таким образом довести его до путешествия в Алжир состоит в том, чтобы проткнуть дыру в боку жестяной чашки, в которой подается обед.

Дисциплинарный замечает, что чашка течет, и следовательно, весь его обед вытечет прежде, чем он донесет его до своей казармы.

Его протесты, конечно, разбиваются о невозмутимое равнодушие кашевара и надзирателя, так что, потеряв наконец терпение, несчастный бросает чашку кому-нибудь из своих мучителей в физиономию.

Мотив великолепный, цель достигнута. Факт налицо – и такой, что может подвести прямо под расстрел!

Очевидно, что первыми мучителями дисциплинарных являются унтер-офицеры, но, как это ни грустно, такими их часто делают их начальники, офицеры.

Есть между ними люди гуманные, но есть и ужасные, может быть, сделавшиеся такими от климата и отчужденности, в которой они живут в этих затерянных поселениях пустынной полосы Алжира.

– Есть тут несколько человек, от которых хорошо бы отделаться, так они мне антипатичны, – говорил однажды один из таких господ сержанту после одного из описанных нами «учений». – Найдите мне какой-нибудь предлог, чтобы подвести их под трибунал. Я беру на себя остальное, и мы очистим роту.

И после отчаянного бега несчастных этот образцовый капитан указал на одного из них, совершенно выбившегося из сил:

– Вот этот мне особенно надоел.

Ничего не стоило довести беднягу, лицо которого не понравилось офицеру, до совершения какой-нибудь глупости.

Другой капитан проявлял в своих действиях утонченное лицемерие. Он понял, что, доводя человека рядом незаслуженных наказаний до остервенения, уже нетрудно подтолкнуть его на что-нибудь серьезное.

– И таким образом нам удастся избавиться окончательно от всего беспокойного элемента, – говорил он.

Третий, допустим, раздраженный климатом и одиночеством бледа, яростно обрушился на одного из более человеколюбивых надзирателей, старавшихся предотвратить случаи, вызывавшие вспышки ярости в дисциплинарных.

Вывод таков: никто не имеет права быть сострадательным.

Как мы сказали, и в дисциплинарных ротах среди офицеров попадают порядочные начальники. Но достаточно, если какой-нибудь из них смотрит на подчиненных ему людей, как на пешек, которых можно убивать себе на потеху, чтобы дисциплинарная рота или исправительная колония, созданная для исправления и воспитания провинившихся или недисциплинированных солдат, превратилась уже не в каторгу, а в настоящий ад.

III. Палач бледа

– О чем ты думаешь, граф? Об Афзе? Эта красавица-арабка погубила своими огненными глазами двоих: мадьярского магната и каналью-вахмистра. Черт бы ее побрал!

Михай Чернаце поднял голову, смотря на тосканца Энрике, товарища по крошечному вонючему карцеру, помещавшемуся под больницей в белой казарме.

– Ты говоришь, Афза?

– Конечно, здесь, в бледе, и африканка способна вскружить голову нам, высокорожденным, белоснежным европейцам.

– Очень ты расшутился, Энрике.

– Я? Вовсе нет... Адвокаты никогда не шутят.

– А ты разве адвокат?

– Адвокат без дел, без клиентов и даже без диплома, – ответил тосканец с грустной улыбкой. – Отец мой, старый морской волк – краса всех ливорнских моряков – хотел и из меня сделать моряка, но не принял во внимание, что у меня язык длинный. Умирая, он оставил мне бриг, которым я, конечно, не был в состоянии командовать: я в это время вел веселую жизнь болонского студента, которому мало дела до свода законов. Однажды ночью – не могу сказать, прекрасной или не прекрасной, – после нескольких выпитых бутылок шампанского, началась игра, и когда я проснулся на следующий день к полудню, брига у меня уже не было. Я проиграл все до последнего якоря, и бриг уплыл к черту.

– Та же история, – со вздохом сказал граф. – Туда же пошли мои лошади и луга, и леса, и замок, потерпевший крушение на зеленом поле в Монте-Карло...

– И вот таким образом оставшись без брига, без ученой степени и без желания приобрести ее, я вспомнил об Иностранном легионе и поступил в него. Оба мы потерпели крушение в жизни.

– Да! – со вздохом согласился граф, с отчаянием сжимая голову обеими руками.

Наступило короткое молчание, но затем у венгерского графа вырвался крик, подобный рычанию:

– И зачем я не умер в Мексике!

– Умрешь в Алжире, – сказал тосканец, не потеряв своей способности шутить. – Неповиновение начальству, разбитый нос, а может быть, и поврежденное ребро, – и кто знает, что там еще напишет в своем рапорте этот скотина вахмистр, – всего этого более чем достаточно, чтобы военный трибунал приговорил к расстрелу... Ну что же! – добавил он, пожимая плечами. – Умереть здесь или в стычке с кабилами, или на берегах Сенегала – не все ли равно. Конечно, я предпочел бы отправиться к господину Вельзевулу, предварительно подстрелив с дюжину арабов или сенегальцев.

– Но пока мы еще живы, – заметил магнат, по-видимому, увлеченный какой-то своей мыслью.

– Что ты хочешь этим сказать, граф? – спросил тосканец, приподнимаясь на нарах, служивших ему постелью, и звеня ручными кандалами, впрочем, не стеснявшими его движений.

– Начальник и его подчиненные не знают всего, что может произойти за эти три недели.

– У тебя, граф, как будто есть какая-то надежда не попасть под расстрел?

– Конечно, есть.

Тосканец даже привскочил.

– Клянусь брюхом дохлого кита, как говорит этот скотина вахмистр, ты хочешь смутить мой сон какой-то надеждой. Я уж было философски покорился перспективе, что мне всадят полдюжины свинцовых орехов в мое тощее тело, а теперь...

– Хватаешься за жизнь? – спросил магнат, улыбаясь.

– Мне всего двадцать семь лет...

– И ты воображаешь, что мог бы еще сделаться адвокатом?

– Нет! Если бы мне удалось вырваться из этого ада, я бы отправился в Калифорнию искать золото. Я уже ничего не помню из законов.

– Ну, будем надеяться увидеть тебя в числе собирателей золотых зерен.

Тосканец потянулся в сторону венгра, прикованного к крепким нарам, и, пристально вглядываясь в него в течение нескольких мгновений, спросил:

– На кого ты рассчитываешь?

– На отца Афзы, или, если хочешь, на тестя...

– На тестя?

– Да, потому что я женат по магометанскому обряду на Звезде Атласа.

– Афза твоя жена?

– Уже три месяца.

– Сто жареных морских скатов! И никто этого не знал?

– Мы приняли все меры, чтоб не знал никто, кроме нас троих.

– А разве ты не знаешь, что и вахмистр...

– Любит ее? Знаю. И потому именно он и придирается ко мне, что несколько дней тому назад видел, как я разговаривал с ней. Не случись того, что случилось волей судеб, через две недели меня не было бы в бледе. Хасси аль-Биак уже распродает своих верблюдов и лошадей кабилам.

– И ты бы оставил меня здесь?

– Нет, Энрике, один махари¹³ приготовлен и для тебя. Я не забуду твоего участия, когда я убил льва, собиравшегося сожрать мою Афзу.

– И в благодарность, граф, ты ничего не сказал мне о происшедшем.

– Не ко времени было бы рассказывать. Теперь речь идет о нашей жизни.

– Но кто же передаст Хасси аль-Биаку, что мы в карцере, скованные?

– Человек, на которого ты уж никак бы не подумал: сержант Рибо.

– Да неужели? Он, кажется, ненавидит тебя и придирается к тебе больше, чем к кому бы то ни было.

– Рибо самый человечный из всех; когда он может спасти жизнь, он охотно спасет ее, если только ничто не грозит при этом его нашивкам.

– Да, ты прав... Рибо! Вот уж никто бы не поверил. А я считал его палачом!.. И ты думаешь, граф?..

– Еще сегодня Афза узнает о моем аресте.

– И сержант станет помогать нам?

– Если не станет помогать прямо, то не будет и мешать, только если не скомпрометирует себя при этом...

Тосканец огляделся и затем, устремив взгляд на окно, защищенное крепкой железной решеткой, снабженной сверх того еще жалюзи, как в магометанских гаремах, спросил:

– Только как это мы отсюда выберемся?

– Трех недель еще не прошло, – ответил мадьяр. – Нам спешить нечего.

– А все лучше бы вырваться сегодня. Ты забыл, граф, об этой собаке Штейнере. Глаза графа сверкнули странным огнем.

– У этого негодяя, хоть он и соотечественник мне, никогда не хватало смелости взглянуть мне в глаза, – сказал он, – но сегодня, пользуясь тем, что нет капитана, он непременно явится сюда. Кто смеет тронуть венгерского магната? Клянусь тебе, отважись он только подойти ко

---

¹³ *Махари* (дромадер) – одногорбый верблюд.

мне, эти цепи разлетятся в куски, и не видать больше этому разбойнику нашего Дуная. Я жду его!

– Да, граф, у тебя сложение богатырское... Не то что у меня... У тебя в жилах кровь хорошая...

– У тебя не хуже... Ты знаешь, сколько вас пало в борьбе с австрийцами за венгерскую независимость...

– Да, правда, – согласился тосканец, – наверное, не меньше, чем ваших в рядах гарибальдийцев...

– Так мы, стало быть, равны, – начал мадьяр, но вдруг замолчал и стал прислушиваться.

В коридоре раздавались тяжелые медленные шаги. При звуке их мадьяр, хотя и готовый на все, побледнел и сжал кулаки.

– Штейнер! – сказал тосканец с явным страхом.

– Должно быть, он, – глухо отозвался граф. – Я не боюсь: сумею справиться с этим диким зверем пушты.

В ту же минуту послышался гнусавый голос вахмистра:

– Теперь им от смерти не увернуться. Попались в железную руку трибунала.

В ответ раздалось как бы глухое рычание, будто исходившее из груди медведя или гориллы.

– Штейнер! – повторил, позеленев, тосканец. – Пересчитает он мне ребра.

Мадьяр яростно потряс цепями, и снова его черные глаза вспыхнули.

Он обладал такой физической силой, что мог разорвать свои цепи и помериться с соотечественником.

– Пусть негодяй только палец поднимет, я уложу его на месте – и вместе с вахмистром, который его натравливает на нас. погоди же!

Мадьяр сел на нарах, устремив глаза на дверь. Он был похож на льва, готового броситься на добычу.

Петли заскрипели, и в карцер вошел великан, между тем как вахмистр говорил:

– Отделаешь их хорошенько – можешь отдохнуть и получишь двойную порцию водки. Я за все отвечаю...

– Слушаюсь, господин вахмистр. Будете довольны. Дверь тотчас же затворилась за геркулесом.

– А, это ты, Штейнер, – насмешливо встретил его магнат. – Ты как сегодня: выпил в меру? Вахмистр, вероятно, не поскупился.

Вошедший стоял как бы удивленный, поглядывая, по-видимому, испуганно то на мадьяра, то на тосканца.

Венгр Штейнер был официальным палачом бледов Нижнего Алжира. Этот человек – личность не вымышленная, но вполне историческая, – прослужив три года в венгерских войсках, поступил в Иностранный легион и, бог знает какими судьбами, попал в Алжир, не зная ни слова по-французски.

Он был отправлен в Дженан-эд-Дар, маленькое местечко в глубине Алжира, где начал свою служебную карьеру кашеваром при дисциплинарной роте, а скоро сделался помощником палача.

Унтер-офицеры, пользуясь его полным незнанием французского языка и уверенные, что просьбы дисциплинарных не действуют на него, мало-помалу стали пользоваться им для мучения своих жертв. Надо сказать правду, что вначале мадьяр не особенно обрадовался выпавшей на его долю обязанности, но унтер-офицеры всякого рода ухищрениями сумели подчинить его себе, и вот уже месяц за месяцем этот скот повиновался их приказаниям.

О нем рассказывают, и вполне правдиво, ужасные вещи. Однажды один итальянец, Версине, отчаянно защищаясь от ударов кулака, которыми его обрабатывал венгр, почти полностью откусил у него большой палец правой руки.

Надо сказать, что мучители-начальники старались не подходить к тем, кого мучили, и для обуздания непокорных всегда выпускали гиганта Штейнера. Мучить, ломать ребра и руки стало обязанностью этого дунайского медведя.

Грубые инстинкты, дремлющие в человеке, уже не сдерживались в нем, и он сполна пользовался своей необыкновенной физической силой.

Наглядными признаками того озлобления, которое он вызывал, были многочисленные рубцы и раны на его теле. Ужасны рассказы этого мадьяра, записанные Жаком Дюром; не одно убийство тяготело на свирепом палаче бледа...

* * *

Увидав вошедшего соотечественника с налитыми кровью глазами, искаженным лицом и засученными рукавами, как бы для того, чтобы продемонстрировать свои могучие мускулы, Михай Чернаце встретил его ироническим вопросом:

– Ты пришел сюда, чтоб показать мадьярскую силу? Не слыхал я до сих пор, чтоб мадьяр на чужбине служил палачом...

Услыхав эти слова, колосс закачался, будто его хватили по голове, и стоял, опустив руки и бессмысленно уставившись перед собой. Очевидно, он выпил, но еще был в состоянии понимать и видеть.

– Отвечай, Штейнер, – продолжал магнат, помолчав мгновение. – Зачем ты пришел сюда? Чтобы поломать ребра благородному венгру? Ну, начинай. Я не боюсь тебя. Если ты дунайский медведь, я тебе покажу, каковы медведи карпатские и как они умеют разбивать цепи, когда разъярятся.

Великан все молчал. Он как будто испугался, увидев соотечественника, и глаза его начали блуждать.

– Зачем ты пришел сюда? – кричал магнат. – Ведь вахмистр приказал тебе переломать нам ребра.

– Не смею, – ответил тот, опуская голову.

– Ты, может быть, хочешь испытать свои силы на моем товарище? У тебя нет брата... матери?..

Колосс покачнулся.

– Матери? – заревел он. – Она писала мне вчера.

– Что же она тебе писала? Говори, негодяй! Говори, палач бледа! – Мадьяр сделал два шага; его черные глаза лишились всякого блеска; они казались белыми.

– Моя мать? – повторил он. – Откуда она могла узнать, что я палач бледа? Проклятие! Довольно, господин граф! Нет больше Штейнера-палача... Обещаю вам... Завтра Штейнера не будет в живых... Если же вам когда-нибудь придется вернуться в Венгрию... Передайте от меня поклон... нашему Дунаю... нашей бесконечной пуште... мне ее уже не видать... не увидеть больше и матери... Прощайте, граф... простите меня.

– Что ты задумал, несчастный? – закричал магнат.

– Скоро негодяя Штейнера уже не будет в живых.

– Ты с ума сошел; помни, что у тебя еще есть мать...

В глазах великана блеснули слезы, может быть, в первый раз в течение его отверженной жизни.

– Мать, – повторил он в третий раз, и в голосе его слышалось рыдание. – Как она могла узнать, что я палач в алжирском бледе? Она жила себе спокойно в своей хате там, в далекой

Венгрии, на берегу голубого Дуная, думала, что я честный солдат!.. Не знаете вы, господин граф, сколько раз меня брало раскаяние; япил,пил, чтобы забыться. Взгляните, этим кулаком я могу убить человека, а дрожу, как мальчишка. Что я на свете? Палач бледа. Даже женщины мне это кричат вслед, когда я прохожу по кривым улицам Дженан-эд-Дара! Палач! Убийца! И дети прячутся, словно я какой-то злодей. А ведь не всегда я был таким. Блед виноват.

– Нет, сержанты, – поправил его тосканец.

– Да, сержанты, надзиратели, вахмистры, кто хотите, – согласился Штейнер, и в голосе его слышалась ярость. – Зачем жить? Чтоб опять приняться за это дело? Чтоб мучить людей, ломать им кости? Будет с меня этой проклятой жизни.

– Подумай о матери, – повторил магнат. Штейнер смотрел молча и наконец спросил:

– Что я могу сделать для вас, господин граф? Хотите вы бежать?

– Конечно.

Палач на минуту задумался.

– Если бы не сегодняшняя ночь, – заговорил он наконец. – Надо вам сказать, что вахмистр велел удвоить караул вокруг бледа.

– Ты силач?

– Да, к несчастью.

– Употреби же один раз эту силу на спасение соотечественника. У наших окон решетки крепкие, но тебе под силу сладить с ними. А как выбраться, я обдумаю.

– А если после узнают? – Штейнер запнулся, но сейчас же спохватился. – Да ведь я и забыл, что завтра меня уже на свете не будет.

Он подошел к окну и стал рассматривать решетку, покачивая громадной головой.

– Ну что, справишься? – спросил его магнат, с беспокойством следивший за ним.

Гигант взглянул на арестованного и сказал с горькой усмешкой:

– С чем, может быть, не сладил бы карпатский медведь, с тем сладит дунайский.

Он схватился обеими руками за решетку, уперся ногой в стену и изо всей силы дернул поперечную перекладину. Перекладина согнулась под этим нечеловеческим усилием. Также согнулись и остальные прутья, но оставались еще в раме. Теперь небольшого усилия было бы достаточно, чтобы вынуть всю решетку.

– Готово, господин граф, – заявил Штейнер, утирая пот, катившийся по лицу. – Вы теперь сами сможете вынуть остальное. Только предупреждаю вас: сегодня не пытайтесь.

– Нам не к спеху, – сказал магнат. – У нас еще три недели впереди.

– А решетка?.. Пожалуй, заметят.

– Не беспокойся. Нас сторожит Рибо.

– Рибо?.. Да, Рибо еще лучше других. Он по виду свиреп, а человек добрый.

Штейнер еще постоял минуту и повернулся к двери, наклонив голову.

– Прощайте, господин граф. Больше не увидимся.

– Напрасно ты задумал такую глупость, – сказал магнат участливо. – Лучше беги. Советую тебе я, магнат твоей родины, сын Дуная.

– Нет, господин граф, я уже сказал вам: не видать мне ни нашей пушты, ни нашей реки. В смерти найду забвение. Если вам когда-нибудь удастся увидеть нашу родину, вспомните, что на берегу большой реки живет старуха, Марица Штейнер. Скажите ей, что сын умер в Алжире, сражаясь с кабилами.

Он направился к двери неровным шагом; граф окрикнул его:

– Штейнер!

Геркулес повернулся; он был бледен как смерть.

– Подойди сюда, – позвал его магнат, протягивая ему руку. – Дай руку.

Штейнер отшатнулся.

– Палач не может пожать руки благородного мадьяра, – сказал он со слезами.

– Говорю, пожми. Я, твой земляк, отпускаю тебе в эту минуту все, в чем ты виноват, и не по своей воле.

Штейнер бросился к руке магната, но вместо того чтобы пожать ее, горячо поцеловал.

– Благодарю вас, граф. Мне кажется, я поцеловал всю Венгрию, – сказал он.

Он хотел отворить дверь, но она оказалась заперта.

– Ах он, проклятый! Он запер меня, чтоб я вышел не прежде, чем покончу вас. Только он не знает Штейнера.

Он налег на дверь, и она с шумом отворилась: замок отскочил. Вся казарма задрожала, будто от землетрясения. Часовые у входа закричали:

– К ружью!

Больные в лазарете звали на помощь, думая, что дом рушится. Только тосканец помирал со смеху.

В коридорах несколько минут слышались крики, проклятия и звон посуды, ударявшейся о стены.

Затем минутная тишина, и громкий выстрел.

Штейнер сдержал слово: он пустил себе заряд прямо в сердце.¹⁴

---

¹⁴ Факт. – *Примеч. авт.*

IV. Звезда Атласа

Прошло несколько минут после выстрела, глубоко поразившего если не тосканца, то магната. В дверях, отворенных мадьяром, показался человек. То был сержант Рибо.

– Адская ночь! – сказал он входя. – Люди стреляются, земля трясется, дверь в карцер настежь. Магнат встал.

– А это вы, Рибо? – сказал он. – Я вас ждал.

– А я, граф, не мог дожидаться, когда можно будет пойти к вам. Я боялся, что варвар Штейнер переломает вам все ребра. Вахмистр обещал ему бутылку коньяку, если он вас совсем искалечит.

– А кажется, этот Штейнер себя искалечил, – заметил тосканец.

– Да, дружище, пустил себе пулю прямо в сердце и вряд ли выживет.

– Бедняга, – прошептал Михай, – разве он жив?

– Да, пока, – отвечал сержант, притворяя, как мог, разбитую дверь. – Но я пришел к вам не затем, чтобы говорить об этом человеке, но чтобы извиниться за свою давешнюю грубость. Вахмистр грозил, что посадит в колодки, если я не заставлю вас бегать по-настоящему.

– Вы хороший человек, Рибо, – сказал магнат. Унтер-офицер грустно улыбнулся.

– Несчастный я, – сказал он вздыхая. – И я из провинциальных дворян и был, может быть, не беднее вас. Но все у меня прошло между рук, и я поступил в легион, когда мне оставалось только пустить себе пулю в лоб. Но что теперь вспоминать грустное прошлое! Теперь я только сержант Рибо... И баста!

– И стараетесь спасти несчастных, которых военный трибунал намеревается переправить через Стикс в барке негодяя Харона, – перебил его тосканец.

– Да, если смогу, – отвечал сержант. Он вопросительно взглянул на магната.

– Да, Рибо, – сказал мадьяр, – надо дать знать Афзе или ее отцу; я поклялся, что в Алжир не попаду.

– Что может сделать для вас Афза? Вряд ли ей вызволить вас отсюда.

– Об этом не заботьтесь, Рибо; мы уйдем, когда захотим.

– Вы нашли напильник под нарами?

– Напильник нам ни к чему.

– А решетка? Вам один только выход – в окно; у дверей двое часовых.

– Вот мы и вылетим через решетку.

Сержант пожал плечами, выражая сомнение.

– Мадьяры колдуны – я это знаю, только это уж слишком, – сказал он наконец.

– Колдуном был несчастный Штейнер. Но я рассчитываю на вашу честность, что вы не выдадите наш секрет.

– Понимаю! Этот носорог перед смертью захотел сделать доброе дело... Счастье, что решетки не тронуты и что никто, кроме меня, не зайдет сюда. Неудачная мысль пришла вахмистру выбрать именно меня. Он ведь считает меня людоедом или, по крайней мере, сенегальской скотиной.

– Он сам скотина, – сказал тосканец. – Я знал это раньше и говорил графу.

Рибо улыбнулся.

– Не видывал я такого весельчака, как вы, – обратился он к тосканцу. – Смерть перед ним, а он все смеется.

– Ах, тысяча жареных скатов! Пока Харон еще не перевез меня через черную речку, я жив и, стало быть, еще имею надежду со временем опорожнить на холмах родной Тосканы несколько бутылок того вина, на которое Арно точит зубы издавна, а достать не может.

– Просто бес какой-то! Удивительный народ эти итальянцы! – решил сержант.

Затем, обращаясь к магнату, как будто чем-то озабоченному, он сказал:

– Завтра на заре пойду на охоту и пройду мимо дуара¹⁵ Хасси аль-Биака. Что сказать Звезде Атласа?

– Что я в карцере и военный трибунал меня расстреляет, – ответил магнат.

– Больше ничего?

– Афза знает, что делать. Она девушка умная, а отец ее человек решительный. Ступайте, Рибо, спасибо.

– Еще увидимся, прежде чем вы упорхнете, – сказал сержант. – Когда ночь окажется подходящей, я вас извещу. Я не губитель, и когда могу спасти от смерти несчастного, всегда сделаю это. Спите спокойно. Теперь вам нечего бояться, когда Штейнер на три четверти мертв.

– А как поживает нос вахмистра? – спросил тосканец.

– Не то чтобы очень хорошо, – отвечал сержант. – Похож на спелую индийскую смокву. Ну, господа, спокойной ночи. Завтра еще до зари буду в дуаре Хасси аль-Биака. А пока прилажу кое-как ваш замок. Прощайте, товарищи!

Он зажег фонарь, который принес с собой, приладил, насколько возможно было, замок и ушел.

В казарме водворилась полная тишина.

Больные, арестованные, солдаты и офицеры, измученные дневным зноем, спали как мертвые.

Только снаружи, перед навесами, служившими спальнями дисциплинарным, ходили часовые.

Рибо поднялся по крутой лестнице в лазарет и позвал вполголоса:

– Ришар!

Фельдшер, кутивший у решетчатого окна, отозвался.

– Что Штейнер? – спросил Рибо.

– Умер.

– Бедняга! Ничего не говорил перед смертью?

– Три раза звал мать.

Рибо спустился с лестницы, грустно покачивая головой.

– Может быть, напрасно я написал его матери о постыдном ремесле ее сына, – проговорил он. – А может быть, лучше! Скольких несчастных избавил таким образом от мучений. Другого Штейнера не найдется, и наш блед уже не будет так ужасен.

Он вошел в свою каморку и, постояв перед висевшим на гвозде великолепным охотничьим ружьем со стволами, украшенными чернью, бросился, не раздеваясь, на постель.

Звезды едва начали бледнеть на небе, когда сержант, окликнув часового, чтобы тот не пустил в него пули, вышел из бледа и направился к югу по пустынной равнине, где только изредка мелькали чахлые деревца – кое-как прозябавшие пальмы да маленькие клочки земли, засеянные просом и ячменем.

Заря быстро разгоралась, звезды меркли, и легкие облачка, плывшие в небе, окрасились нежным пурпуром.

Вдали обрисовывалась еще темно-синяя величественная цепь Атласа, отделяющая Алжир от великой пустыни.

Жаворонки поднимались в воздух, как бы весело приветствуя своими трелями восходящее светило, и описывали все более и более широкие круги, а в траве шныряли жирные, аппетитные куропатки.

Но Рибо не обращал внимания на всю эту дичь, хотя и вооружился своим великолепным ружьем и объемистым ягдташем.

---

¹⁵ Дуар – небольшой поселок у ряда североафриканских племен.

Его взгляд был обращен на два темных пятна, выделявшихся среди зелени равнины. Это был дуар Хасси аль-Биак, где жил отец Афзы, или, как ее называли, Звезды Атласа. Тоненькая струйка дыма вилась в воздухе и медленно расплывалась по небу.

– Рано встает араб, – заметил про себя Рибо. – Поспею к нему как раз к кофе; уж наверное он у него получше, чем бурда, которой нас потчуют в бледе.

Он снял с плеча ружье и начал охоту на куропатов, которые бежали от него в большом количестве, но не выражали особого испуга.

В несколько минут он наполнил ягдташ, закурил сигаретку и прибавил шагу, между тем как яркое солнце появилось из-за высоких пиков Атласских гор и начало изливаться на равнину горячий дождь своих лучей.

Дуар Хасси аль-Биака составляли два внушительных размеров шатра из ткани шоколадного цвета, сотканной из волокон карликовой пальмы пополам с козьей и верблюжьей шерстью, что делает их совершенно непроницаемыми для дождя. На широком дворе, обсаженном колючими растениями, помещалось несколько десятков жирных баранов с огромными курдюками.

Небольшая площадка, заросшая вереском, тростником и ситником, окружала оба шатра, стоявших в тени пальм с огромными перистыми листьями.

В маленьком дуаре царила тишина, полная поэзии. Можно было бы подумать, что он необитаем, если бы не тоненькая струйка дыма, замеченная Рибо издали.

Махари и овцы дремали в загоне, жарясь на солнце. В огороδικе, где рос ячмень, и перед шатрами не видно было ни души.

Рибо снял с плеча ружье, чтобы выстрелить в ворону, пролетавшую над шатром, но главное, чтобы привлечь внимание обитателей этого тихого, молчаливого дуара.

Но он еще не успел выпустить заряд, как из-за изгороди показался человек и приветствовал его обычным арабским приветствием:

– Салам-алейкум.¹⁶

– Да будет Магомет с тобой, Хасси аль-Биак, – отвечал Рибо, опуская ружье.

Хозяин дуара был красивый мужчина лет под пятьдесят, высокий, худощавый, как все его соплеменники, – весь сотканный из мускулов и нервов.

Он не имел заурядной физиономии бедуина или туарега пустыни, но чертами напоминал чистокровных красавцев-мавров – этих победителей Испании, поразивших весь христианский мир стойкой защитой Гранады и Севильи.

Кожа его была слегка смуглая, глаза черные, блестящие, живое лицо с правильным профилем обрамляла хоть и не очень густая, но черная как смоль борода.

Подобно всем арабам Нижнего Алжира, он был одет только в длинную рубашку, не полотняную, а из тончайшей шерсти, спускавшуюся широкими складками, и большую полосатую чалму.

– Что поделяваешь? – спросил Рибо.

– Да вот собирался поить новорожденного махари, – ответил мавр. – Хочешь взглянуть? Ведь охотники никогда не спешат. Да у тебя к тому же сумка и так полна.

– С радостью опорожнил бы ее у ног Звезды Атласа.

Мавр нахмурился.

– Не от себя, – поспешил объяснить Рибо, заметивший это легкое облачко, появившееся на лице подозрительного араба. – Меня послал один человек из бледа, которого ты, а Афза и подавно, знаете лучше меня. Но об этом еще успеем поговорить, когда выпьем по чашке кофе, если ты только угостишь меня.

– Араб никогда не отказывает в гостеприимстве, – ответил мавр просто, но с жестом, полным величественного благородства.

---

¹⁶ Мир тебе. – *Примеч. авт.*

– Покажи своего верблюжонка.

Хасси аль-Биак проложил ему дорогу через выющиеся растения, составлявшие изгородь и взбегавшие по стволам огромных индийских смоковниц с большими колючими листьями, и Рибо очутился перед высокой песчаной кочкой, на которой, зарытый по живот, находился маленький махари, еще почти бесшерстный.

– Со временем будет знаменитый бегун, – сказал мавр, ставя перед верблюжонком большую плошку с молоком. – Я вчера осмотрел его ноги – просто великолепные. Через две-три недели будет скакать не хуже любой лошади.

– Зачем же ты закопал его в песок?

– Чтобы он окреп, – ответил мавр. – Если оставить его на свободе, тяжесть его тела испортит ему ножки. Пойдем, сержант; слуги уже, вероятно, приготовили кофе и *хускуссу*. Я вчера убил великолепного барана.

Вместо того чтобы пойти в шатер, Рибо остановил его, спросив без всякой подготовки:

– Ты не догадываешься, зачем я пришел так рано?

По лицу мавра скользнула тень, и в глазах отразилось беспокойство.

– Что ты хочешь сказать этим, сержант? – спросил он несколько изменившимся голосом.

– Афза еще спит?

– Она всегда встает поздно. Я не хочу, чтоб она утомлялась; да и слуг у меня довольно, чтоб вести хозяйство дуара. У меня средств хватит, на сколько захочу.

– Да, среди окрестных бедуинов говорят, что отец оставил тебе большое состояние и что ты мог бы не разводить верблюдов, а держать сотни баранов.

Мавр молча улыбнулся, показывая свои ослепительные крепкие зубы, и сказал:

– Араб любит пустыню.

Он посмотрел на солнце и пригласил:

– Пойдем пить кофе, пока Афза еще не велела открыть свой шатер.

– Ты не хочешь, чтоб я виделся с ней?

– Теперь ее уже нельзя видеть.

– Почему?

– Она замужем.

– Ты выдал ее за какого-нибудь каида?

Хасси аль-Биак взглянул на него, не отвечая. Рибо понял, в чем дело, и не настаивал.

– Пойдем пить кофе, – сказал он. – Уже не первый раз мне пить его у тебя; он всегда великолепный.

Хасси аль-Биак поднял с земли суковатую палку и направился к дуару в сопровождении сержанта. Они подошли к коричневому шатру, полы которого были подняты, давая свободный доступ воздуху.

Из шатра вышла молодая негритянка и взглядом спросила приказания хозяина.

– Подай кофе! – отрывисто сказал Хасси аль-Биак. – Гость спешит.

Негритянка разостлала в тени пальмы великолепный рабатский ковер, шитый шелками и золотом, поставила на него хрустальный сосуд с табаком и два *наргиле*, распространявшие сильный аромат роз, которым была насыщена вода этих больших кальянов.

– Хочешь курить, сержант? – спросил мавр, желавший, по-видимому, продемонстрировать полное спокойствие.

– Нет, я лучше выкурю свою сигаретку.

– Ну, в таком случае выпьем кофе.

Он хлопнул в ладоши, и негритянка тотчас же появилась, неся массивный серебряный поднос, кофейник того же металла и две чашки, не имевшие ничего общего с теми безобразными, разрозненными и потрескавшимися чашками, которыми обходятся жители Нижнего Алжира и пустыни.

Чашки были тонкого фарфора, марсельского производства.

И хозяин, и сержант молча прихлебывали налитый кофе; затем второй закурил сигаретку, а первый, не нарушая своего невозмутимого спокойствия, зажег табак своего роскошного благоуханного наргиле.

По обычаю он не хотел расспрашивать гостя, хотя в душе сильно волновался.

Рибо первый нарушил молчание.

– Знаешь, кто меня послал сюда? – спросил он.

– Один Магомет может читать наши мысли.

– Человек, спасший твою дочь от когтей льва.

– Легионер... Михай! – воскликнул мавр, вздрогнув и устремив на сержанта горящие глаза. – С ним случилось несчастье?

– Хуже того. Он в карцере, откуда выйдет только для того, чтобы явиться на заседание военного трибунала в Алжире; а ты знаешь, что судьи не нежничают с дисциплинарными.

Мавр закрыл глаза, чтобы не выдать слишком явно испуга, и прижал к мощной груди ладони. Наконец он спросил:

– Граф, стало быть, погиб?

– А! Ты знаешь, что легионер граф?

– Знаю.

– Так лучше, и я начинаю кое-что понимать. Тайна разъясняется.

– Он, стало быть, погиб? – еще раз переспросил мавр.

– Наверное, если мы не спасем его. Но должен тебе сказать, Хасси аль-Биак, что столько же шансов за его спасение. Конечно, будет это не сегодня ночью и не завтра, но во всяком случае у тебя должны быть готовы два махари для него.

– Ты не выдашь его?

– За каким чертом я в таком случае пришел бы сюда? Ведь я стану помогать ему.

– Удастся ему выломать решетку? А цепи?

– Решетка уже сломана. Для цепей постараюсь достать напильник.

– Подожди меня пять минут.

– Ты пойдешь разбудить Афзу?

– Нет, зачем? Как я уже сказал, тебе ее нельзя видеть.

– Ну, теперь я понял все, – пробормотал сержант, глядя вслед мавру, исчезнувшему в шатре. – Этот плут граф тайком женился на Звезде Атласа. А наш вахмистр мечтает взять красавицу себе в жены, да в придачу к ней верблюдов, баранов и, вероятно, не одну кубышку с золотом. Недурен вкус у графа.

Не успел он докурить сигаретку, как Хасси аль-Биак вышел из шатра, неся в руке один из тех поджаренных ячменных хлебов, какие во всеобщем употреблении у арабов пустыни.

– Ты приглашаешь меня пообедать? – спросил сержант шутя.

– Сегодня невозможно, – ответил мавр. – Я хотел попросить тебя отнести этот хлеб графу.

– Наш хлеб лучше твоего, и притом...

Он вдруг умолк, взглянув на Хасси аль-Биака. Он заметил в темной корке две дырочки, плохо заткнутые чем-то вроде воска.

– В хлебе что-то есть, – заметил он.

– Если ты действительно хочешь помочь графу и его товарищу бежать, не спрашивай меня об этом. Можешь ты передать хлеб графу, чтоб никто не видел?..

Рибо опорожнил ягдташ и, положив в него хлеб, прикрыл мелкой дичью.

– Готово, – сказал он. – Теперь, надеюсь, ты не откажешь мне в удовольствии поднести твоей дочери остальную дичь?

– Поклянись Аллахом!

– Клянусь и Аллахом, и своей честью, что сегодня вечером хлеб будет в руках графа. Я поклялся самому себе спасти графа и сдержу обещание, что бы ни случилось. И я попал в Иностраннный легион таким же образом, как граф; мой долг помочь ему: хотя мы и разных национальностей, но мы оба христиане. Прощай, Хасси аль-Биак; мое увольнение кончается. Кланяйся от меня дочери и смотри, чтоб махари были всегда наготове, потому что у спаги лошади хорошие.

– Погоди минуту, сержант. Пойдем со мной.

Он направился к ограде, где дремали последние животные, сохраненные им, вероятно, с целью скрыть свое намерение уйти далеко из дуара.

– Возьми барана, какой тебе приглянется, – сказал мавр.

– Зачем? – спросил Рибо.

– Съешь его с товарищами.

– Мне из-за этого барана пришлось бы потерять много времени, а оно мне дорого. Бараны слишком жирны и поэтому идут медленно.

– Выбери махари, какой тебе понравится.

– Я предпочитаю лошадей бледа. На них удобнее ездить, чем на верблюжьем горбе.

– Ну так зайди на минуту ко мне в шатер.

– Ты хочешь дать мне еще хлеб? Мне его некуда спрятать, и я его не возьму...

Мавр покачал головой не отвечая и поспешно вернулся в шатер.

«Совсем взволновался мой араб...» – подумал Рибо.

Они вошли оба в большой шатер с полом, сплошь устланным красивыми яркими циновками и коврами, и уставленный низкими мягкими диванами.

Хасси аль-Биак остановился перед кучкой ковров и сбросил шесть-семь из них. Под ними открылись два старых сундука кедрового дерева, окованных железом.

Потом снял с серебряной цепочки, которую носил на шее, небольшой ключ и отпер один из сундуков, говоря:

– Возьми, сколько хочешь.

У сержанта вырвался невольный крик изумления.

Сундуки были полны цехинами, той старинной монетой, которую когда-то чеканили в Венеции и которую можно теперь встретить у арабов юга Триполитании¹⁷, Туниса и Алжира, бережно сохраняющих их и дающих как украшение своим женщинам.

– Бери, сколько хочешь, – повторил мавр.

Рибо отступил на шаг; он не мог оторвать взгляд от этого скопления золота, переливавшегося соблазнительным желтым оттенком, но сказал решительно:

– Нет, Хасси аль-Биак. Провансальский дворянин не продает своих услуг. Хотя я и сержант-легионер, но все же остался честным человеком. Прощай, положишься на меня.

– Погоди, в таком случае... Если уж ты не хочешь принять ничего... Он поднял еще несколько ковров и циновок, взял стальную шкатулку великолепной работы и, нажав пружину, скрытую среди искусно вырезанных фиников, открыл ее.

Поискав в ней дрожащими пальцами, он что-то вынул.

– Дай твою руку, – сказал он Рибо. – Ты не откажешься принять кольцо, которое будет всегда напоминать тебе Афзу, потому что оно из ее приданого?

Он взял мизинец Рибо и надел на него золотое массивное кольцо с большой бирюзой.

– Спасибо, Хасси аль-Биак, – сказал сержант голосом, в котором слышалось волнение. – Я никогда не расстанусь с этим кольцом, принадлежавшим первой красавице Алжира, которую я очень люблю...

---

¹⁷ Триполитания – историческая область на территории современной Ливии.

В это мгновение издали послышался приятный женский голос, напевавший одну из тех арабских песен, где повторяется постоянно один и тот же мотив, меланхолический, незатейливый, но в то же время полный своеобразной нежности, производящий сильное впечатление и полностью подчиняющий себе слушателя, как плеск фонтана или журчание ручья, пробирающегося по лугу.

– Дочь встала, – сказал Хасси. – Иди домой, сержант, и спасибо тебе.

Рибо вскинул винтовку за спину, пожал руку хозяину и быстро пошел прочь, насвистывая песенку и не глядя направо.

Хасси стоял у шатра, сложив руки на груди и следя за уходившим, между тем как ветерок играл его белой одеждой.

Легкий окрик заставил его вздрогнуть.

Звезда Атласа, свежая, смеющаяся, вышла из своего шатра; но Рибо уже скрылся в кустах, палимых африканским солнцем.

V. Арабская кровь

Все арабы и бедуины южных дуаров считали Афзу самой красивой и в то же время самой богатой мавританской девушкой Нижнего Алжира. Она соединяла в себе все, что могло вдохновить поэта-мавра: личико алебастровой бледности, глаза миндалинами, черные и глубокие, осененные длинными ресницами, тело стройное, гибкое, с мягкими, нежными движениями, и ротик круглый, как колечко, – по выражению арабских поэтов.

Она была высока и стройна, как пальма пустыни, с маленькими руками и ногами, которые видны были из-под тончайшей шерстяной рубашки красивого покроя с короткими рукавами.

– Что ты смотришь, отец? – спросила она, собирая свои черные как вороново крыло волосы под золотой обруч с двумя рядами подвесок из цехинов.

Хасси аль-Биак вздрогнул и, обернувшись к дочери, ответил:

– Я смотрю на газель, убегающую от шакалов.

– Ты, должно быть, и разговаривал с этой газелью? – спросила Афза, показывая свои зубки, мелкие, как зерна риса, и блестящие, как жемчуг.

Хасси аль-Биак понял, что напрасно было бы отпираться.

– Ты, стало быть, видела человека, заходившего ко мне? – спросил он.

– Из наших шатров всегда можно видеть, не показываясь. Это был сержант из бледа, кому же еще заходить в наш дуар.

– Угадала.

– По крайней мере, он принес поклон от моего милого господина?

– Нет.

Афза сделала изумленный жест.

– Почему? Не было бы ничего дурного, если бы он поручил сержанту передать мне поклон.

Хасси аль-Биак не ответил ничего. Афза сейчас же заметила его смущение.

– Что с тобой, отец? – спросила она озабоченно.

– Пойдем в тень моего шатра. В бледе произошли важные события, касающиеся и тебя.

Глаза Звезды Атласа расширились, и в них вспыхнуло мрачное пламя.

– Несчастье! – воскликнула она. – Я видела прошедшей ночью дурной сон. Аллах!

– Аллах!

Хасси нежно взял ее за руку и повел в свой шатер, где усадил на мягкие подушки красного шелка.

– Разве Афза не Звезда Атласа? – начал Хасси укоризненным тоном. – Ведь в твоих жилах течет арабская кровь.

– Объясни же, в чем дело, отец.

– Твой супруг лишен свободы... Он в карцере... У графа течет в жилах такая же кипучая кровь, как у сынов пустыни; он возмутился против вахмистра, распоряжающегося теперь в бледе, пока отсутствует капитан, и бросил ему в лицо ранец...

Афза вскочила, как раненая львица. Из груди ее вырвался дикий крик.

– Ах, негодяй! Он мстил!

– Кто?

– Вахмистр. Он велел передать мне это через одного спаги однажды, когда ты уезжал продавать наших последних верблюдов.

– Это было еще до твоей свадьбы?

– Да, отец. Под тем предлогом, что ему нужно напоить лошадь, этот солдат остановился у нас. Он сказал мне, что следует отказать Михаю и принять руку, которую мне предлагает вахмистр... Иначе может случиться большое несчастье.

– А вахмистра ты видала?

– Да, он несколько раз – всегда в твоё отсутствие – бродил вокруг дуара. Вероятно, кто-нибудь подсматривал за тобой и давал знать ему... Стало быть, теперь мой господин...

– Пойдет под военный трибунал. Его расстреляют, если мы не спасем его раньше трех недель, – ответил Хасси.

Несколько минут между отцом и дочерью царило тяжелое молчание, затем Афза выпрямилась и, прижимая руки к груди, будто желая сдержать сильное биение сердца, сказала:

– Я должна спасти его.

– Ты? – воскликнул Хасси с изумлением и страхом.

– Разве во мне не течет арабская кровь? Ты сам сказал это. И к тому же кровь древних воинов, потомков мавров Альгамбры, Гранады и Кордовы...

Хасси смотрел на Афзу и видел в глазах этой молодой женщины, которую можно было бы назвать еще девочкой, так как ей шел всего шестнадцатый год, тот же дикий угрожающий огонь, как в начале разговора.

– У меня есть мое длинное ружье, а ты знаешь, что еще ни разу я не давал промаха из него... – начал он.

Звезда Атласа энергично покачала головой.

– Если б ты даже убил вахмистра, то не освободил бы таким образом моего возлюбленного господина.

– Что же ты хочешь сделать?

– Пойду к вахмистру и постараюсь добиться, чтоб он отпустил моего господина.

– Нет, Афза, это невозможно.

– Я заставлю отпустить графа. Ты только одолжи мне свой кинжал, проводи меня в блед и сам не отходи далеко... Все остальное – дело мое.

– Но он может бежать без тебя. Сержант обещал помочь ему. Решетка уже почти выломана, остаются только кандалы. Об этом я позаботился.

– А я думаю о часовых, день и ночь ходящих вокруг бледа. Великий Магомет! Ведь они могут убить графа, когда он попытается бежать! Отец, я люблю этого христианина, сделавшегося моим господином!..

Последние слова Афзы прервались рыданием.

В это мгновение в дверях появился старый негр и доложил, что к дуару подъезжает верховой франджи.¹⁸

На равнине показался всадник верхом на статной гнедой лошади, оседланной по-алжирски, с седлом и уздой, украшенной бахромой. На всаднике был голубой мундир и красные рейтузы; на голове картуз с большим козырьком и родом белого платка сзади. Он ехал осторожно, время от времени придерживая коня.

– Отец! – воскликнула Афза. – Это спаги вахмистра.

Хасси обратился к негру.

– Принеси ружье с длинным стволом.

Афза повелительным жестом остановила раба и, обращаясь к отцу, дрожавшему от ярости, сказала так же решительно:

– Ты не убьешь этого человека. Сам Аллах посылает его. Я тебе теперь покажу, достойна ли Звезда Атласа быть дочерью одного из самых храбрых воинов Абд аль-Кадира, алжирского героя... Иди в шатер, отец, и предоставь действовать твоей Афзе. Пусть спаги думает, что тебя и сегодня нет дома.

– Но ты замужем и не должна показывать лицо гяуру.¹⁹

---

¹⁸ Словом «франджи» арабы Алжира называют всякого европейца. – *Примеч. авт.*

¹⁹ *Гяур* – неверный, человек, не исповедующий ислам.

– Мой муж христианин, и европейские женщины не закрывают лица, когда говорят с мужчиной. Ведь мне придется жить среди христиан. Иди, отец, я так хочу... Вопрос о жизни моего господина...

Хасси поник головой и удалился в шатер.

Афза постояла минутку, не отнимая рук от сердца и глубоко вдыхая горячий воздух, затем резким движением откинула назад волосы и пошла вдоль ячменного поля, приказав удивленному негру:

– Достань воды из колодца... Я сейчас подойду.

Несмотря на тяжелое предчувствие, сжимавшее ей грудь, Афза снова начала напевать свою песенку. По временам она останавливалась у длинного ряда алоэ, будто любясь гигантскими копьями, выходящими как бы из огромных палашей. Волокнами их жители Нижнего Алжира перевязывают раны, из них готовят особый сорт папирос, одну из которых с видимым удовольствием посасывали хорошенькие губки Звезды Атласа, между тем как в груди ее бушевала буря.

Спаги остановился у колодца – глубокого сруба, почти до краев наполненного чистой водой, потому что в глубине этой на вид бесплодной равнины сохраняются богатейшие запасы воды, – и иронически смотрел на мавританку.

Это был человек лет тридцати, с лицом, обезображенным оспой и двумя шрамами, очевидно, от нанесенных ятаганом ран. Одного глаза у него не было, и все это вместе производило отталкивающее впечатление.

Он спешил, привязал взмыленную лошадь к стволу пальмы и, приподняв картуз, сказал:

– Привет Звезде Атласа!

Афза взглянула на него, делая вид, что не узнает, и ответила несколько небрежно:

– Аллах с тобой, франджи!

– Можно напоить лошадь? Я уж не первый раз останавливаюсь у этого колодца.

– Теперь я тебя узнала.

Подождал негр с большим глиняным сосудом и, наполнив его по приказанию хозяйки водой, молча поставил перед спаги.

– Вода в пустыне не так плоха, как думают, у нас в бледе куда хуже, – сказал спаги.

– Здесь не пустыня, – возразила Афза, делая знак негру.

Негр Ару, привыкший понимать свою молодую госпожу без слов, отошел шагов на десять и спрятался в кустах акации, куда предварительно уже поставил одно из тех длинных ружей с выгнутыми прикладами, какие употребляются у марокканцев и алжирских бедуинов, и пару длинных пистолетов.

Хасси аль-Биак, очевидно, поручил ему охранять дочь.

– Вода у нас хорошая, – продолжала Афза, – дай твоей лошади напиться вволю. Когда ты выехал из бледа?

– Вчера вечером: я ездил в Моселлах с поручением от вахмистра.

– Капитан еще не вернулся?

– Нет. А кстати, мне надо передать тебе известие, которое вряд ли тебя обрадует...

– А что? – спокойно спросила Афза.

– Михая Чернаце, венгерского графа, посадили в карцер... Теперь ему скоро...

– Что ж, он плохой человек!

– Настоящий черт! Не то что наш вахмистр. Недаром ему дали золотую медаль за стычку с какими-то неграми в Сенегале.

– Вот как! – сказала Афза.

Спаги выпил несколько глотков воды и, стоя около лошади, спросил:

– Ты знаешь, что он любит тебя?

– Кто? – рассеянно спросила Афза.

– Ах, черт! Да вахмистр. Только и думает о тебе. Ведь ты видела его, разве он не красивый мужчина? И хороший человек. Весь блед его обожает... Он сделал бы тебя счастливой.

Афза не могла удержать презрительной улыбки: она знала, как все ненавидели вахмистра – даже больше Штейнера.

Видя, что Афза молчит и глубоко задумалась, спаги вынул старую трубку и несколько раз затянулся крепким табаком.

– Сказать тебе, красавица, – снова заговорил он, – я друг-приятель вахмистра. Он предлагает тебе выйти за него замуж. Со временем он надеется стать одним из тех блестящих офицеров, каких тебе случалось видеть во главе африканских стрелков. Ведь это честь для мавританки.

Афза молчала, нервно обрывая ветку акации.

– Будь я на твоём месте, я бы гордился стать женой француза...

– Как сразу решиться? – ответила наконец мавританка. – Мне пришлось бы следовать за ним во Францию, а я не привыкну к жизни в большом городе.

– Если ты захочешь, он останется в Африке. Советую тебе не отказываться от представляющегося счастья. Скажи слово – и он сейчас прискачет сюда.

– Нет, только не сюда! – отвечала Звезда Атласа голосом, в котором слышалось что-то ужасное.

– Ты боишься?

– Вовсе нет. Я сама пойду к нему. Сегодня вечером... когда отец уснет. Я прибавлю опиума в его трубку, чтоб он крепче спал. Скажи мне пароль, чтоб часовой пропустил меня.

– Не надо; часовому будет приказано пропустить тебя, не предложив никакого вопроса.

– Хорошо.

– Когда ты придешь?

– Через час после захода солнца.

Спаги вскочил на лошадь без помощи стремян.

– Прощай, Звезда Атласа! – сказал он и, натянув поводья, поскакал прочь.

– Да хранит тебя Аллах, – сказала ему вслед Афза.

Если бы спаги обернулся, он, конечно, не уехал бы с такой спокойной душой. Его наверняка испугал бы гнев, которым дышали красивые черты девушки и пылали ее глаза.

Едва всадник отъехал несколько шагов, как из кустов тихо, словно змея, выполз негр с ружьем в руке.

– Пристрелить этого франджи, госпожа? – спросил он.

– Нет, Ару, – ответила Афза.

– А я с удовольствием бы прикончил этого христианина.

Афза медленно повернулась и пошла в шатер отца.

– Ну что? – спросил он ее в напряженном ожидании.

– Вели наточить твой лучший кинжал. Сегодня иду в блед на свидание с вахмистром. Прикажи хорошенько накормить и напоить махари, чтоб они могли выдержать долгий путь.

– Ты, стало быть, уверена, что тебе удастся спасти мужа?

– Да.

– А кинжал тебе для чего?

– Кто знает, что может случиться...

– Ты решилась? В таком случае нужно заняться махари.

– Да...

В продолжение оставшейся части дня ни отец, ни дочь не возвращались к этому разговору, хотя в душе оба сильно волновались.

Незадолго до заката Афза ушла к себе в шатер, чтобы нарядиться: она желала показаться вахмистру прекраснее, чем когда-либо.

Хасси между тем с помощью негра снаряжал махари и навьючивал на их горбы ларцы, заключавшие все его богатства, – приданое его дочери. Шатры и остаток своих баранов, которых он не мог забрать с собой в поспешном бегстве, он заранее отдал своим молодым неграм.

Солнце закатилось, когда Афза показалась на пороге своего шатра, освещенного светом алоэ, горевшего на резном треножнике, распространяя нежный аромат.

Она заплела свои великолепные волосы в две косы, оканчивавшиеся подвесками из цехинов, слегка подкрасила черным антимонием глаза, чтобы они казались еще больше, слегка тронула кармином щеки, а ногти окрасила в желтоватый оттенок *бренной*.

Длинную рубашку заменил своеобразный пестрый шелковый кафтан с широкими рукавами, обшитый по краю голубой лентой и надетый поверх зеленого корсажа, открытого на груди и зашнурованного золотыми шнурками.

Наряд довершали белые шелковые шаровары и желтые кожаные туфельки, сдерживаемые серебряными кольцами.

– Ну что, красива? – спросила Афза отца.

– Не зря тебя называют Звездой Атласа, – ответил Хасси, с гордостью смотря на дочь. – Но все же мне страшно, Афза. Ты задумала что-то ужасное.

– Я не боюсь этого франджи! – сказала Афза глухим голосом. – Узнает он, но слишком поздно, Звезду Атласа. Давай, отец, твой кинжал и моего любимого махари. Не хочу заставлять ждать себя слишком долго.

Хасси аль-Биак распахнул свой широкий бурнус, вынул из ножен гибкий кинжал почти в фут²⁰ длины, с рукояткой из слоновой кости, и подал дочери.

Афза засучила широкий рукав на правой руке и спрятала оружие в заранее приготовленный чехол голубого шелка.

– У меня рука не дрогнет, если придется прибегнуть к этому оружию, – сказала она с ужасным спокойствием. – Мы сойдемся с глазу на глаз, вахмистр!.. А теперь вели подать мне моего махари.

Хасси свистнул, и тотчас же появился старый негр с двумя великолепными верблюдами в поводу – выносливыми животными, способными делать в день без отдыха до восьмидесяти миль.²¹

На обоих были седла, украшенные лентами и расшитые серебром, а морды их были обвешаны полосами розовой шелковой материи. По знаку негра животные покорно преклонили колени. Афза с помощью отца села на своего любимого махари и крикнула:

– Аш!

Хасси аль-Биак сел на другого верблюда, держа в руках свое длинное ружье.

– Ару, – обратился он к негру, – держи наготове трех махари и при первом же выстреле со стороны бледа выезжай с ними навстречу мне.

– Ты знаешь, господин, что я не только раб твой, – ответил негр, – каждую минуту я готов пролить кровь свою за Звезду Атласа. – Хасси свистнул, и оба махари понеслись вскачь по равнине, причем корпус их то пригибался, то снова выпрямлялся в такт движению длинных ног.

Луна выплыла в эту минуту из-за исполинской цепи Атласа, покрытой густыми лесами.

---

²⁰ Фут равен приблизительно 30,6 см.

²¹ Миля равна 1609 м.

VI. Охота на льва

– Граф, кто-то стучит.

Михай Чернаце быстро встал, разминая члены, затекшие от лежания на жестких нарах карцера.

– Кто там? – спросил он тосканца, звеневшего цепями.

– Не знаю, но мне кажется, что очень уж поздно, уже давно, должно быть, протрубили зарю. Ты слышал трубу, граф?

– Нет, не слышал.

– И я также. Видно, в карцере спится лучше, чем под навесом. Хотя, правду сказать, все кости словно перебитые.

В это мгновение ключ повернулся в замке, сломанном Штейнером, и дверь отворилась.

Показалось честное, открытое лицо Рибо.

– Вы спали? – спросил сержант, быстро затворяя дверь. – Восемь часов утра, господа узники, пора завтракать.

Граф поспешно встал. По лицу пробежала судорога.

– Ты видел его? – спросил он дрожащим голосом.

– Хасси аль-Биака? Час тому назад. Рано встают арабы в дуаре и правильно делают: кофе у них великолепный.

– А Афзу, хотите вы спросить? Нет, ее я не мог видеть.

– Почему? – нетерпеливо спросил мадьяр.

Рибо улыбнулся несколько саркастически.

– Меня удивляет, что вы спрашиваете, граф... Ведь вы несколько лет жили в Алжире и должны бы знать обычаи арабов Нижнего Алжира.

– Ты, стало быть, наконец понял?

– Что Звезда Атласа теперь графиня Сава?... – заметил Рибо.

– Бесполезно отрицать это, – сказал мадьяр. – Я женился на ней по магометанскому обряду два месяца тому назад.

– Вы не думали, что есть другой человек, сильно любящий ее?

– Вахмистр, не так ли?

– И именно благодаря этому он довел вас до той маленькой глупости, которая стоила бы вам жизни, если б не было на свете Рибо да Хасси аль-Биака.

– Сто тысяч жареных скатов и целый хвост дьявола! – воскликнул тосканец, слушавший этот разговор, все более и более раскрывая глаза. – Да это глава из романа, который можно бы назвать «Драма в Алжире»! Жаль, Дюма не здесь.

– Ты сказал, Хасси аль-Биак? – спросил граф, взглянув на Рибо.

– Пусть он не впутывает себя в это дело: я этого не хочу. Я сам себе добуду свободу.

– Надеюсь все-таки, граф, что вы не откажетесь от завтрака, который он просил меня предложить вам.

– Должно быть, пара куропаток? – спросил тосканец, у которого слюнки потекли.

– К несчастью, куропатка-то плоховата, – ответил Рибо с комическим оттенком, вынимая из ягдташа хлеб, переданный ему мавром.

– Может быть, впрочем, он с начинкой, – добавил он.

– Дайте сюда, Рибо, – сказал мадьяр.

Сержант собирался исполнить требование, когда услышал в коридоре голос вахмистра.

– Клянусь телом дохлого кита! – кричал он. – Куда запропастился этот скотина Рибо? Все они исчезают сегодня утром! Рибо! Рибо!

Сержант бросил на нары хлеб и выбежал из карцера, захлопнув дверь, а ключ опустив в ягдташ.

– Ну, расходился любитель тухлых китов! – заметил тосканец. – Сегодня переберет всех – и китов, и тюленей, и медведей, и львов.

– Тише, – сказал граф. – Послушаем.

Но до них донесся только поток ругательств; затем в коридоре воцарилась тишина, будто разыгравшаяся ярость вахмистра вдруг улеглась.

– Я ужасно боялся, как бы этот скотина вахмистр не вздумал пожаловать к нам, – сказал тосканец. – Произошла бы катастрофа: от его взгляда не укрылась бы выломанная решетка.

– Пошли он к нам какого-нибудь другого надзирателя вместо этого славного Рибо, он, наверное, зашел бы посмотреть, закованы ли мы, как дикие звери, – заметил мадьяр. – К счастью, он доверяет Рибо, принимая его за нашего мучителя, между тем как Рибо втихомолку мирволит всем арестованным и, когда только возможно, дает им возможность бежать.

– Да, Рибо порядочный человек.

– Он провансальский дворянин, также потерпевший крушение в жизни. Из него никогда не выйдет палач.

– А хлеб Афзы?

– Совсем забыл о нем, – сказал граф.

– Зачем она послала его тебе? Вероятно, бедняжка думала, что мы голодаем.

– Называй ее графиней Сава, – сказал мадьяр с грустной улыбкой и глубоким вздохом.

– Я всегда помню, что она твоя жена, – ответил тосканец. – Право, к лучшему, что я проглотил бриг отца, потому что иначе сделался бы адвокатом и самым натуральным ослом из всех, какие пасутся на земном шаре...

Несмотря на всю серьезность положения, граф не мог сдержать улыбки.

Он устроился поудобнее и взял хлеб. Ему, как и Рибо, сразу бросились в глаза две дырочки, заклеенные какой-то темной массой вроде воска.

– В хлеб что-то спрятано, – сказал он.

– Должно быть, ножик? – сказал тосканец, с напряженным вниманием следивший за всеми движениями графа.

– На что он нам?

– Правда, ножом не разрежешь наши кандалы.

Граф сжал хлеб и разломил его на две половины. Хлеб был далеко не свежий: арабы имеют обыкновение печь свой ячменный хлеб раз в месяц, а иногда даже раз в два месяца.

На стол что-то упало с глухим шумом.

– Я так и знал, – проговорил граф. – Это дороже всякого кинжала или пистолета.

В хлебе, присланном Хасси аль-Биакон, были спрятаны две маленькие кремневые пилки с чрезвычайно тонкой отделкой, которыми можно было распилить кандалы не хуже, чем стальными, и притом не производя ни малейшего шума.

– Чудная у тебя жена, милый граф, – сказал тосканец. – Не напрасно ее прозвали Звездой Атласа. А тесть и того лучше: вот он посылает тебе свободу в черством хлебе. Впрочем, мы и в него запустим зубы.

– Чем скорее он исчезнет, тем лучше. Вахмистру может прийти в голову нанести нам неожиданный визит.

– Хлебец порядочной величины, но все равно: обещаю похоронить его в своем тощем теле меньше чем за десять минут. А ты хочешь?

– Съем немного: ведь его, вероятно, пекла Афза.

– Стало быть, нас накормит Звезда Атласа.

Тосканец взял половину и начал уплетать ее, как человек, не евший двое суток. Хлеб оказался твердым, но зубы у молодого человека были акулы, и через несколько минут от хлеба не осталось и следа.

– Кажется, никогда еще не ел с таким аппетитом, – сказал тосканец, пережевывая последний кусок. – Должно быть, оттого, что хлеб сохранил аромат пальчиков Звезды Атласа.

– Когда же наступит конец твоей вечной веселости? – спросил граф.

– Вероятно, когда буду стоять перед взводом солдат и офицер скомандует: «Пли!»

– В тебя?

– Конечно. Если моя тощая особа попадется в когти военного трибунала...

– Не попадется, Энрике. Сегодня вечером дадим тягу...

– Если нас не пристрелят часовые.

– Ночь будет темная и, кажется, бурная. Нервы дают мне знать, что сегодня надо ждать грозы. Ты знаешь, каковы грозы в этом жарком климате.

– Да, они не часты, но ужасны. Только в прошедшем месяце семь дисциплинарных убило молнией в четвертом шатре.

– Да, знаю, – ответил мадьяр.

Тосканец несколько минут сидел молча, перевертывая цепь, которой был прикован к нарам, и наконец сказал:

– Граф, ты мне никогда не рассказывал, каким образом познакомился со Звездой Атласа. Я, правда, слышал что-то о льве, которого ты убил, но больше ничего. Теперь, когда нас уже не заставят бегать как заключенных, расскажи мне что-нибудь интересное. Я, например, никак не могу понять, каким образом ты, христианин, мог полюбить и заставить полюбить себя мавританку.

– Это длинная история, Энрике.

– Тысяча жареных селедок! До вечера еще успеешь рассказать мне не только одну главу твоего романа, но и весь его целиком. Не забавляться же нам своими цепями и не дремать весь день, как крокодилы на солнце. Есть и пить дадут не раньше полудня, а до тех пор успеешь рассказать. Ты знаешь, как я люблю интересные рассказы! Адвокат-неудачник все равно что плохой солдат, даже без надежд получить хотя бы капральские нашивки. Я думаю, выбравшись из этой проклятой Африки – Черного материка, выражаясь высоким словом, – попытаться счастья в литературе.

– И для этого собираешь материал? – добавил граф.

– Да, чтоб пополнить свой балласт материалом, плохим или хорошим – все равно. Расскажи, магнат. Эту историю со львом интересно послушать. Как ты отбил у него Звезду Атласа?

– Заурядное приключение, – ответил граф.

– Предоставь судить мне, будущему писателю, – ответил тосканец с комической серьезностью.

– Если уж непременно хочешь, я расскажу тебе, как познакомился с Афзой и ее отцом. Ты помнишь, как три месяца тому назад капитан бледа обещал отпустить на охоту всякого, кто за все время не нарушит дисциплины?

– Да, правда, только мне не случилось попасть в число этих счастливых. У меня украли башмак; я протестовал, кричал на надзирателей, и вместо свободы меня неделю продержали на хлебе и воде. Ну, продолжай, граф. Обещаю, что, унеси у меня теперь хоть оба, я уже не стану протестовать и попаду на охоту, хотя бы босиком.

– Если станешь болтать...

– История не продвинется... Ты прав, товарищ, и мне в таком случае не написать твоего романа, Звезда Атласа!

– Так вот: получив пятидневный отпуск и хорошее ружье для охоты на крупного зверя, я отправился с надзирателем, который не должен был выпускать меня из виду. Мы зашли в

небольшой дуар, где жил мелкий земледelec. Я уже отправил в блед с полдюжины газелей, когда однажды под вечер, стоя у полосатого шатра нашего хозяина и болтая с надзирателем, увидел Хасси аль-Биака, отца Афзы, с которым был немного знаком.

«Господин, – сказал он мне, – у тебя хорошее ружье, и я слышал, что ты храбрый охотник...» «Когда представляется случай, целюсь и редко промахиваюсь», – ответил я. – «Ты не боишься львов?» – «Нисколько». – «Один из них спустился с горы и съел у меня пятнадцать баранов».

Я спросил, когда тот съел последнего.

«Сегодня утром, на заре. Мой слуга-негр видел, как он перескочил через ограду с добычей. Бараны еще куда ни шло, но я боюсь за своих махари. Ты знаешь, у меня их много, ведь я самый крупный верблюдовод в окрестности». – «Что же тебе нужно от меня?»

Хасси аль-Биак ответил: «Хочу, чтоб ты помог мне убить этого ненасытного зверя. Франджи все хорошие охотники».

Я задумался на минуту, не решаясь сразу принять предложение, которое могло стоить мне собственной шкуры. Не в первый раз мне приходилось держать ружье в руках; не одного медведя я уложил в Карпатах, не говоря уж о четырех гиенах, подстреленных около бледа...

– Да, помню, – сказал тосканец. – Капитан каждый раз угощает тебя за это литром кислого вина. Продолжай, магнат, история начинает чрезвычайно интересоваться меня. Я забываю, что сижу в карцере, кажется, будто опять попал в кафе «Потерпевшие крушение», куда мы, студенты, собирались по вечерам и рассказывали друг другу... Не об охоте на львов... Ну, там о всяких пустяках...

– Продолжаю, – сказал граф. – Видя, что мавр настаивает с любезностью настоящего африканского дворянина, я спросил его, уверен ли он, что зверь этот действительно лев.

Он ответил: «Я же сказал тебе, что мой слуга видел его». «А велик он?» – «С бычка».

Я решился: «Хорошо, жди меня сегодня вечером».

Когда солнце уже было близко к закату, я направился в сопровождении одного бедуина, великолепного стрелка, к дуару Хасси. Надзиратель, услышав, что речь идет об охоте на льва, предпочел улечься спать на циновке перед шатром...

– И выпить хорошую чашку кофе, – добавил тосканец. – Да еще с зернышком амбры для аромата? Так?

– Верно. Представь же мое удивление, когда я увидел, что Хасси аль-Биак вышел ко мне навстречу с дочерью, державшей великолепный карабин английской работы.

Я спросил с удивлением: «И Афза идет с нами?» «Да, – ответил мавр. – Дочь моя приехала к охоте на зверя, а кроме того, я должен предупредить тебя, что тут не один лев».

У меня вырвалось: «Ах, черт возьми!»

«Сегодня мой слуга сходил с того холма с вязанкой дров, как вдруг увидел в вереске льва. Он сидел на возвышении, в угрожающей позе, а недалеко сидела самка, тоже как будто готовясь к прыжку».

Я спросил: «И они не съели его?»

«Нет, – ответил мне Хасси аль-Биак. – Они только смотрели на него, не сводя глаз, до самой равнины».

Должен признаться, что эта подробность заставила меня призадуматься. Напасть на одного льва – куда ни шло, но неожиданно очутиться перед двумя, хотя бы и в хорошей компании, – дело не шуточное.

Но отказываться было уже поздно...

– Ну, конечно: ведь Афза была тут, – со смехом заметил тосканец.

– Да, ты угадал. Мне хотелось посмотреть, как будет держать себя эта красавица в минуту страшной опасности.

– Очень рад, что угадал. Продолжай же, умоляю тысячей жареных камбал и всем хвостом дьявола! Ведь это великолепная глава романа, если бы только записать ее.

«Ты знаешь, где этот холм? – спросил меня Хасси аль-Биак. – Знаешь? Мы с дочерью проводим тебя туда. Посмотри на Звезду Атласа. Она спокойна, как будто идет стрелять жаворонков или куропаток. Удивительно хладнокровна, уверяю тебя».

Я сказал: «Пойдемте!»

Мы пошли. Мой бедуин был хороший стрелок и имел прекрасное французское ружье с выгнутым прикладом, какие вообще в употреблении у берберов.

Было около девяти часов вечера, когда мы подошли к лесу, покрывающему склон холма.

Луна поднялась вдали из-за высокого гребня Атласских гор на чистое небо без единого облачка и осветила вереск, как днем.

– Черт возьми! Ты рассказываешь великолепно, граф, – воскликнул слушатель, приподнимаясь и садясь. – Жаль, что нет бумаги и красок. Скарредная администрация жалеет даже клочок бумаги для своих арестантов! Я бы удовольствовался хотя бы оберточной, в какую завертывают сыр. Ну, продолжай, граф.

– С запада дул свежий ветерок, гармонично шелестя в листьях лавров и гигантских сикомор. Я забыл о льве...

– Ты смотрел на Звезду Атласа, в глазах которой отражалась луна. Черная, по-видимому, была ночь!

– Перестань! А иначе не узнаешь истории о льве, – улыбаясь сказал граф.

– Что же станет с моим будущим романом?.. Затыкаю глотку и не произношу ни слова! Приближается самый интересный момент.

– Мы шли молча и осторожно, – продолжал рассказчик, – предполагая, что львы скрываются в частом кустарнике во рву и что они внезапно выскочат оттуда. Так мы поднимались около получаса, все углубляясь в лес, и наконец оказались на гребне, поросшем только низким, но густым кустарником, спускавшимся в лощину, откуда, по-видимому, не было выхода.

Отец Афзы сказал мне: «Львы, вероятно, скрываются там».

Внимательно всматриваясь в лощину, всю заросшую кустарником, я сам начал подозревать это.

«Я уверен, что у львов там логовище», – повторил Хасси. Я отвечал: «И я так думаю». «Не попытаться ли нам спуститься?» – предложил мавр. «Оставим тут Афзу с моим арабом. Было бы неблагоприятным вести ее с нами».

Мавр выразил согласие наклоном головы и сказал мне совершенно спокойным голосом: «Пойдем, франджи».

«Не спускайте пальца с курка, – посоветовал он дочери и моему арабу. – Не стреляйте, не прицелившись наверняка».

Мы с Хасси тихо-тихо двинулись вперед, придерживаясь левой рукой за кусты, так как скат был очень крут, и только дошли до лощины, как остановились, инстинктивно подняв ружья на прицел.

Перед нами лежал труп газели, очевидно задранный недавно, так как кости были еще красные от крови, а кругом, в кустах, виднелись разбросанные кости и клочья кожи, по-видимому, принадлежавшие другим животным, уже разложившиеся и распространявшие кругом отвратительный запах.

«Ты угадал, – шепнул мне Хасси аль-Биак. – Логовище львов здесь». «Подождем, – ответил я ему, – как только увидим их, сразу стреляй». «А ты?» – «Я пойду искать логовище».

Мавр взглянул на меня, по-видимому изумленный моей храбростью. Но я твердо решил доказать свою смелость.

– Кому? Звезде Атласа? – шутливо спросил тосканец.

– Слушай дальше! Итак, я стал спускаться дальше вниз по крутому скату.

Я сделал шагов двадцать, как вдруг услышал перед собой легкий шорох – в то же мгновение зашевелились некоторые ветки.

«Он там», – тотчас подумал я.

Я стал в позицию и ждал, чтобы львы показались.

Ничего не было слышно, и можно было подумать, что шорох вызвало какое-нибудь пресмыкающееся. Я пошел вперед, все больше удаляясь от товарищей.

Вдруг в кустах мелькнула тень, а затем показался хвост, яростно хлеставший кусты. Я быстро прицелился и выстрелил.

Ужасное рычание, раскатившееся по окрестностям, как удар грома, было ответом на два моих выстрела; потом через кустарник пронеслась темная тень и опустилась по скату.

«Я его ранил! – крикнул я. – Хасси, беги!»

И не дожидаясь, пока отец Афзы подойдет ко мне, я обошел холм, уверенный, что убил зверя.

Но вдруг у меня вырвался крик ужаса.

В пяти шагах от меня, притаившись в траве, лежала великолепная львица. Увидев меня, она устремила в мою сторону взгляд и яростно зарычала.

Я не убил ее, а только ранил, раздробив ей обе передние лапы...

– Не желал бы я очутиться на твоём месте, – сказал тосканец. – Как ты выпутался?

– Лучше, чем можно было ожидать, – отвечал магнат. – Зная по опыту, что человеческий взгляд почти всегда оказывает магическое воздействие на зверей, я, в свою очередь, стал пристально смотреть на львицу, вкладывая в это время два свежих патрона в ружье.

Должно быть, я страшно побледнел в эту минуту. Можно быть храбрым, когда идешь с товарищами в штыки, но я уверен, что ни один человек не в состоянии сохранить спокойствие при виде одного из таких хищников.

Я помню – как будто это было вчера, – что у меня по щекам текли крупные капли пота. Я не чувствовал биения своего сердца – таково было мое напряжение в этот ужасный момент...

– Даже меня мороз по коже продирает.

– Не сводя глаз с львицы, медленно ползшей по траве, чтобы добраться до места, откуда ей будет удобно сделать прыжок, чтоб одним ударом покончить со мной, я медленно поднял карабин и сделал прыжок вправо.

Увидав дуло, сверкнувшее при лунном свете, львица с усилием поднялась, готовясь прыгнуть.

Я не дал ей времени и быстро выстрелил.

Зверь подпрыгнул в воздухе с предсмертным рычанием и перевернулся на спину. Тут еще одна выпущенная пуля поразила его в живот.

Хасси аль-Биак прибежал на мой крик и выстрелил на несколько секунд позднее меня.

Уверенные, что львица убита, мы подошли к ней. Смерть последовала моментально: две мои последние пули раздробили животному череп.

«Где может быть лев?» – спросил Хасси, ударивший по трупу прикладом ружья, будто желая отомстить за смерть своих баранов.

«Должно быть, отправился на охоту, – сказал я. – Будь он здесь поблизости, он наверное поспешил бы на помощь своей подруге. Не направился ли он в твой дуар?»

Когда я сказал это, мавр побледнел и стиснул зубы от ярости.

«Очень хотелось бы мне встретить его около моей ограды», – сказал глухим голосом Хасси.

Мы обошли всю ложину, не найдя самца, и наконец решили вернуться в дуар, чтобы отдохнуть несколько часов.

В сопровождении Афзы и моего араба мы спустились с холма безо всяких приключений. Нам повстречалось только несколько гиен, поспешивших удрать по свойственной им трусости.

Было уже около полуночи, когда мы подошли к дуару и, к нашему великому удовольствию, увидели несколько огней, горевших около шатров. В то же время до нас донесся плач, возвещавший о каком-то несчастье.

Встревоженные, мы ускорили шаги и скоро получили объяснение этого смутения. Причиной был лев. В то время как мы охотились за его подругой, он спустился в равнину и напал на одного из слуг Хасси, спавшего перед шатром. Лев растерзал ему грудь сильным ударом когтей и затем убежал, не будучи в состоянии унести своей добычи.

– Ах, разбойник! – воскликнул тосканец, ловивший каждое слово на лету.

«Хочешь отомстить ему? – крикнул мне Хасси, весь дрожа от ярости. – Лев, вероятно, теперь вернулся в свое логовище и не выйдет оттуда до завтрашнего вечера. Теперь как раз время покончить с ним, и если ты, господин, застрелишь его, обещаю тебе десять баранов».

Спать все равно не пришлось бы; я не заставил себя просить, и мы отправились обратно. И на этот раз Афза, несмотря на наши просьбы, пожелала сопровождать нас, говоря, что желает посмотреть, как франджи охотится.

Было около двух часов ночи, когда мы снова достигли верхушки холма, где было совершенно темно, потому что луна уже скрылась.

«Спустимся, – сказал я Хасси. – А Афза и мой человек пусть останутся наверху».

Мы уже сходили по скату, когда увидели, что несколько мелких животных опрометью выскочили из кустов, которыми порос весь склон.

«Шакалы, – сказал мавр, – хороший знак». «Что ты хочешь сказать этим?» – спросил я. «Эти животные всегда следуют за львами, когда они охотятся: они пожирают остатки добычи. Увидишь, что зверь недалеко».

В это мгновение, будто в подтверждение слов мавра, мы услышали страшное рычание в кустах у самого подножия.

Мы тотчас же прицелились, чтобы пристрелить зверя и помешать ему выйти из этой западни.

Я пошел вдоль каменистого карниза, спускавшегося, как я уже сказал, до самого низа холма.

Я шел смело, решив покончить со львом, уложив его одним выстрелом – настолько я был уверен в себе.

Я сделал шагов пятьдесят, затем остановился, удивленный, что не слышу рычания зверя и не вижу его перед собой, хотя я уже прошел весь холм.

Я стоял, спрашивая себя, прошел ли лев мимо Хасси незамеченным, как вдруг услышал выше себя страшное рычание.

Рычание доносилось сверху!

Я поднял голову и увидел льва, поднимавшегося по скалам, цепляясь за кое-где торчавшие кусты.

Разбойник взобрался туда так, что никто его не заметил, и намеревался прыгнуть на самую вершину холма.

В это мгновение я увидел человеческую фигуру, перегнувшуюся через скалы, – то была Афза.

Мгновение – и лев одним прыжком оказался на вершине и повалил несчастную девушку.

Это падение было счастливым для моей будущей жены, потому что, останься она стоять, я не решился бы выстрелить.

К счастью, рука моя не дрогнула в эту минуту. Лев показал мне спину. Двумя выстрелами я перебил ему хребет, и зверь покатился вниз с холма...

– А Афза? – с опасением спросил тосканец.

– У нее оказалось только разорвано платье. Промедли я одно мгновение – и бог знает, что бы произошло. С этого вечера мы подружились, и через два месяца Звезда Атласа стала моей женой.

VII. Месть Афзы

- Кто идет?
- Звезда Атласа.
- Проходи: тебя ждут...

Из-за стены бледа поднялся солдат и подошел к молодой женщине, сидевшей на своем махари в бледном сиянии луны, при свете которой ярко блестели золотые позументы одежды мавританки.

– Это ты, красавица? – спросил спаги, подходя к верблюду. – Поставь ножки мне на ладонь: я помогу тебе слезть.

– Не надо, – ответила Афза.

Она издала гортанный звук, и тотчас же послушный верблюд опустился на колени.

Не успел часовой протянуть руку, как Афза, легче газели, соскочила на землю.

– А отец? – спросил спаги.

– Он остановился на равнине, – коротко ответила девушка.

– Отвести твоего махари под навес?

– Нет. Он не уйдет с места, пока не вернется хозяйка. Его не надо привязывать.

– Ваши верблюды послушней наших лошадей.

– Да, правда.

Она быстро поправила платье и спросила с легкой дрожью в голосе:

– Где вахмистр?

– Он приказал всем часовым пропустить тебя и отвести к нему.

– Отлично, веди. Я не знаю дороги в блед: я видела его только издали.

Афза говорила отрывисто, будто ища слова. По временам она вздрагивала, и при этом цехины, украшавшие ее волосы, звенели.

Спаги смотрел несколько секунд на ее глаза, блестевшие при лунном свете, и, направляясь к канцелярии бледа, проговорил про себя:

– Когда сделаюсь вахмистром, может быть, и на мою долю найдется такая же красавица и придет поужинать со мной.

Они молча вошли в большую ограду и направились к белой казарме. У дверей стоял сержант и курил. Это был Рибо.

– Здравствуй, Афза, – приветствовал он девушку.

– Магомет с тобой, – отвечала она, – я принесла тебе поклон от отца.

Рибо отпустил знаком спаги.

– Что граф? – спросила Афза, когда они остались одни.

– Пилит свои цепи. Должно быть, скоро кончит. А твой отец?

– Ждет недалеко от бледа с Ару. Махари готовы.

– Сколько? С графом бежит его товарищ.

– Знаю, у нас пять великолепных бегунов. Лошадям спаги не так-то легко будет догнать их. Мы сберегли себе самых лучших.

– Будь осторожнее, Афза.

– Я готова на все.

– Он не подарит тебе свободу, то есть не даст ему бежать.

– Я покажу ему, кто такая Афза. Вы еще не знаете мавританских женщин. Проведи меня.

– Он ждет тебя с ужином.

– Я так и думала. Ну, сержант, идем...

Рибо поднялся по лестнице и остановился перед дверью, но, прежде чем постучаться, сказал Афзе:

– Обдумай, на что ты решилась; блеск твоих глаз вовсе не успокаивает меня.

– Афза спокойна, – ответила мавританка. – Доложи обо мне. – Сержант два раза постучался в дверь, которая тотчас отворилась в небольшую гостиную, правда, не особенно изящную, – но какого же изыска можно ожидать в бледе, затеряншемся среди бесплодных африканских равнин?

В комнате был накрыт стол, освещенный двумя керосиновыми лампами.

Дверь отворил сам усатый вахмистр.

– Афза! – воскликнул он. – Сияющая Звезда Атласа! А я уж и ждать перестал.

– У мавританских женщин одно слово, и они умеют держать его, – ответила Афза.

Вахмистр сделал сержанту знак удалиться.

– Справедливо бедуины и кабилы называли тебя Звездой Атласа, – сказал вахмистр, подавая стул Афзе. – Такой красавицы, как ты, я не видал во всей Берберии.

Афза слабо улыбнулась.

– Ты шутишь, господин, – сказала она.

– Отец знает, что ты пришла сюда?

– Нет, я подсыпала в табак его наргиле крошечку опиума, и отец крепко проспит несколько часов.

– Брюхо кита! – воскликнул вахмистр, крутя свои черные усы. – И мавританские девушки умеют хитрить! Хочешь поужинать со мной? Закусывая, поговорим. Мы не совсем еще заброшенные в этом проклятом бледе: есть у меня и жареная баранина, и курица, и коробка сухих фиников, только вчера присланных мне из Константины. Ах, черт! Есть и хорошее французское вино, даже бутылка шампанского! Тебе приходилось когда-нибудь пить шампанское за десертом?

– Нет, – ответила Афза, садясь за стол.

Вахмистр взял с буфета жаркое, фрукты, бутылки и поставил все перед Афзой, говоря:

– Надеюсь, что Звезда Атласа окажет честь французской кухне. Как жаль, что мы не в Марселе и не в Париже! Но я надеюсь со временем увидеть эти города... И с тобой вместе!..

Решительным усилием Афза сдержала дрожь и улыбнулась.

Оба сели за стол, один против другого. Однако Афза, по-видимому, не собиралась оказывать чести ни баранине, ни курице, ни сухим финикам из Константины, а тем менее вину: бокал ее оставался постоянно полным.

– Клянусь брюхом трески! – воскликнул вахмистр, евший за двоих. – Что же едите вы, мавры, в своей пустыне? Ты не прикасаешься ни к чему, а главное, не пьешь. Между тем все вина известных марок!

– Ты знаешь, господин, что арабы народ умеренный. Мы никогда не пьем, потому что Магомет запрещает пить вино и спиртные напитки, – ответила Афза.

– Это потому, что во времена Магомета не умели делать таких превосходных вин, – ответил вахмистр с некоторой досадой. – Готов поставить свои нашивки против трубки табака, что, живи он в наше время, не отказался бы от стаканчика этого прекрасного бургундского. Ах, что за бургундское!

Вино, очевидно, очень понравилось ему, потому что, не переставая есть и разговаривать, он выпил не один стакан, но вся эта жидкость исчезла будто в бездонном колодце.

Когда ужин закончился, вахмистр закурил толстую испанскую сигару, вероятно, провезенную контрабандой через марокканскую границу, откинулся на спинку стула и, заложив ногу за ногу, начал:

– Теперь поговорим, Афза.

Афза в эту минуту смотрела на золотую медаль, блестящую на груди вахмистра.

– Что это такое? – спросила она.

– Это? – спросил вахмистр, выпуская облако ароматного дыма. – Этому кусочку золота я обязан своими нашивками. Не даром он дался мне. Даже не знаю, как я остался жив и состою в настоящую минуту начальником бледа.

Афза ограничилась неопределенным восклицанием.

– Хочешь послушать, как это случилось? Ведь ты не спешишь вернуться в дуар?

– Нисколько, – ответила Афза, имевшая все причины стараться, чтобы вахмистр задержал ее подольше, пока граф и его товарищ не перепилят свои оковы.

Вахмистр выпил еще стакан бургундского и начал:

– Я был в это время в Сенегале, стране, тоже завоеванной Францией, только вовсе не похожей на этот проклятый Алжир, где не найдешь и кусочка тени, чтоб вздремнуть спокойно.

Амафу, один из королей Верхнего Сенегала, в это время подавал повод к неудовольствию, и губернатор колонии отдал приказ одной колонии двинуться для усмирения этого негра, позволявшего себе обращаться с нами, сыновьями славной Франции, как со своими оборванцами-подданными.

Нами командовал генерал, не побоявшийся бы самого дьявола, – настоящий солдат в моем вкусе.

Мы уже разбили несколько племен, как в один прекрасный день подошли к широкой реке с перекинутым через нее деревянным мостом, сколоченным кое-как, однако довольно крепким, чтобы наша колонна могла перейти по нему.

Воины Амафу заняли другой его конец и открыли адский огонь, стараясь задержать нас, но... Тебе скучно слушать меня, Афза?

– Нет, господин, – ответила она. – Ты знаешь, мы любим рассказы, особенно из военной жизни. Ведь мы потомки завоевателей Испании. Продолжай, господин, я слушаю тебя...

Афза лгала. Ее вовсе не интересовал рассказ о необыкновенных приключениях храброго вахмистра, и она только делала вид, что слушает его. Ее мысли в это время были слишком поглощены другим. Она как бы следила за движением маленьких пилкок, распиливавших в эту минуту цепи ее мужа и его товарища.

Лицо ее выражало крайнее напряжение. Она каждое мгновение ожидала, что вот-вот услышит крики часовых, окружавших блед, и выстрелы их вдогонку беглецам.

Вахмистр осушил четырнадцатый или пятнадцатый стакан вина и продолжал:

– Итак, мы были на мосту. Негры Амафу бились геройски, и трудно было перебраться через реку, хотя они и были вооружены дрянными ружьями, из которых вместо пуль в нас летели куски железа и гвозди, производившие большие опустошения.

Прошла ночь; мы все оставались на берегу реки и никак не могли прогнать этих проклятых дикарей.

Генерал выходил из себя. Напрасно он направил на мост пол-эскадрона спаги. Ружья негров смели его почти моментально.

Со всех сторон неслись стоны и крики вперемешку с лошадиным ржанием.

Генерал, взволнованный внезапными потерями и упорным сопротивлением этой шайки всякого сброда, в ярости ходил по берегу реки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.